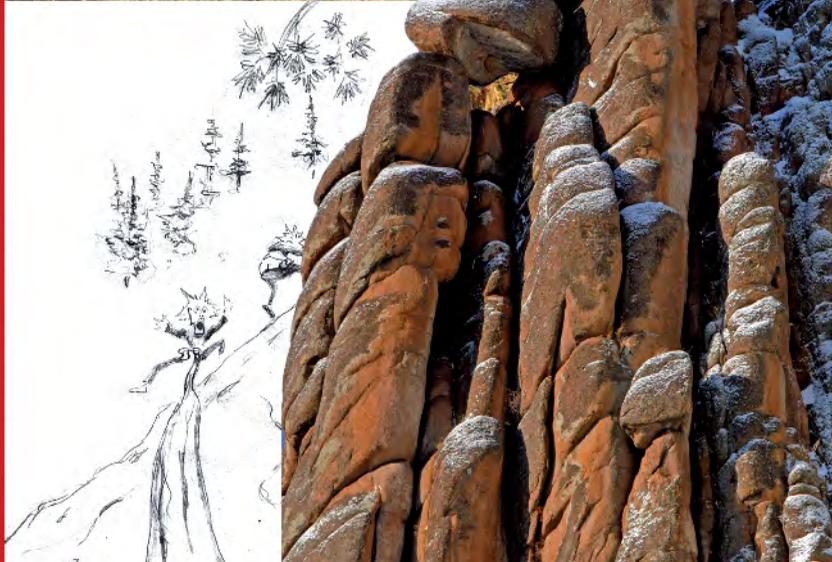
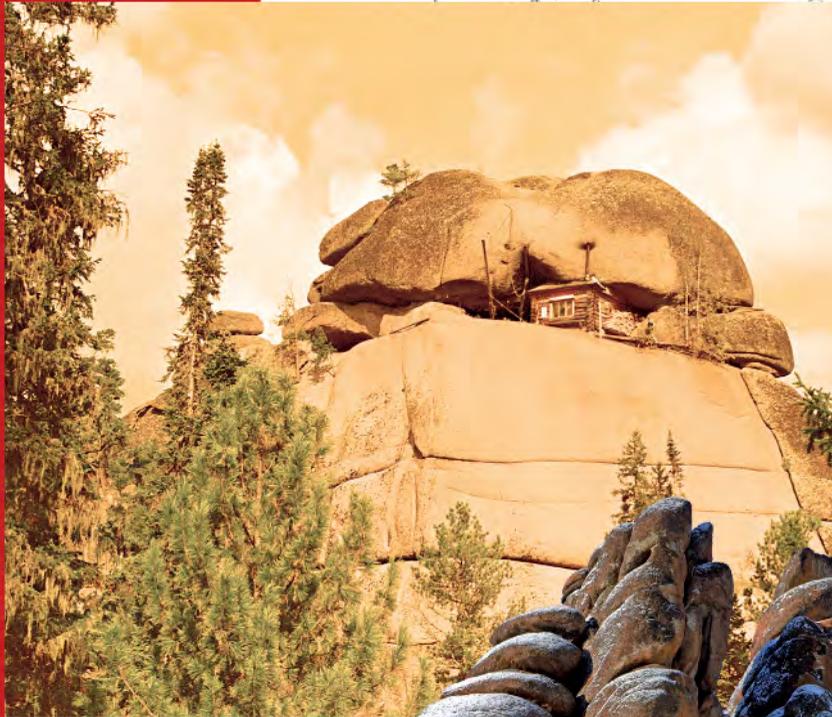

Нигде в МИРЕ... ШЕСТЬ

Стихи и проза

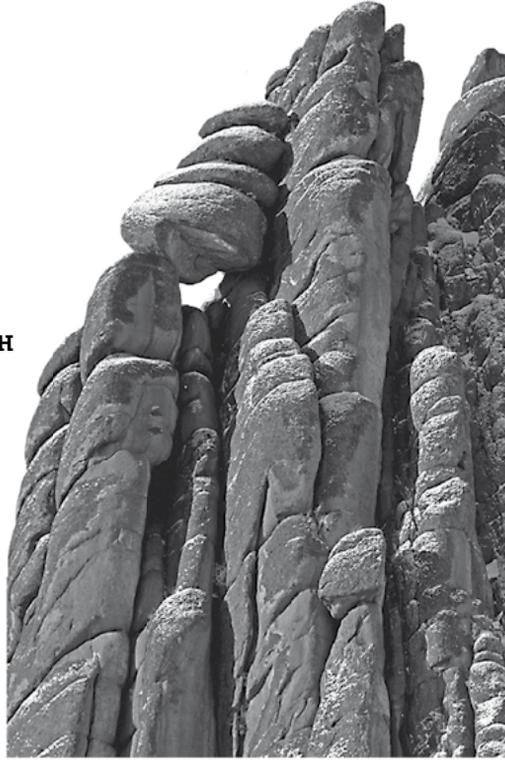
В. Деньгин

Нигде в МИРЕ... ШЕСТЬ

Стихи и проза

В. Деньгин

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)

Д34 Деньгин В. А.

Нигде в МИРЕ... ШЕСТЬ: Стихи и проза / В. А. Деньгин. –
Красноярск: Версо, 2021. – 168 с., ил.

Выпуск книги «Нигде в МИРЕ... ШЕСТЬ» совпал с 60-летним юбилеем Грифов. Включены стихи, рассказы, воспоминания участников событий более чем полувековой давности. Автор старался передать атмосферу тех лет, насколько удалось – судить тебе, читатель!

Ласкал бы взглядом и рукой
Я женщин всех, любви достойных...
Но сердце отдано одной –
Моей жене, увы, покойной...

*Посвящаю светлой памяти
моей Галки*

Немного о себе

Родился и вырос в Красноярске. Окончил политех, инженер. В свободное от работы время – Столбы, по молодости – горы, пещеры, до сих пор – горные лыжи.

*Непечатные выражения
в тексте – не самоцель,
а способ кратко и точно
выразить суть.*

Поэту

Неунывающий пиит!
Твой голос в трубке телефонной
В 12 ночи так бодрит
Альтернативой жизни сонной!
И пусть несётся дней аллюр,
Затмит, конечно, у тебя
Блеск глаз весёлых сквозь прищур,
Блеск разрастаемого лба!
А как ты можешь завернуть
Изящно мысль! Талант отменный –
Иметь на всех явлений суть
Нетривиальный угол зренья!
Да здравствуешь же ты всегда!
Везде, во всём. И слава Богу.
Пусть будет длинною дорога
И нескончаемы друзья!

Т. Витова

Предисловие

По быстрорвущейся
верёвке, хватая
третьею рукой...

Друг моего детства и юности Вовка (Владимир Аркадьевич) Деньгин был талантлив, рыж и импульсивен. Помню, в детсаду он описывал альпийские подвиги своего дяди Вити (вместе с заслуженным мастером спорта СССР по альпинизму москвичкой Е. А. Казаковой взойёл на высшую точку Алтая гору Белуха 4506 м). Войдя в раж, сверкая глазами и весь трясясь, Вовка вдруг завопил: «И, спасая всех, дядя Витя быстро-быстро влез на стометровую стену по быстрорвущейся верёвке!»

Так было открыто явление БРВ. Поясню на примере:

Человек лезет на стену в 33 этажа, хватаясь руками за верёвку и упираясь в стену ногами. Но верёвка-то быстро-рвущаяся!

Как только он подтянется на верёвке, она рвётся над ладонью. Надо успеть ухватиться выше, а она опять рвётся, и так далее. А ты гребь дальше и чаще, обрывая кусок за куском, все 100 метров!

Вовка задолго до Хрущёва сажал кукурузу. Так мы и познакомились: я рвал сладкие початки, а он воплями и топаньем ног пытался спасти урожай.

В 7-м классе Вовка бредил морем; ходил юнгой на катере. И сейчас старый друг бродит по Столбам в тельняшке (если

не голым). В те времена писал он «правильные» стихи. На всяких олимпиадах и даже на радио ехидный голосишко вещал о любви к природе и про хвастунишку Петю. А для друзей – ехиднейшие пародии. Вместо задорно-хорового: василёк, василёчек вдруг звучало кобелёк, кобелёчек.

Переломным стал 1959 год. Трёхдневный первомайский рейд по центральным Столбам навсегда сделал нас столбистами.

В 1961-м активно осваивали Торгашинский провал. Пещерам посвящено много стихов и песен. Одно из первых написано Вовкой (с моей помощью) в гроте Ресторан прямо в пещерном журнале. Пародировались популярные «Геологи»:

Ты ушла в Ледяную пещеру,
Я пришёл на закате к Большой,
И я знаю, надежду помножив на веру,
Что мы встретимся там под землёй.
Шкуродёр и далёк, и долог.
И нельзя повернуть назад.
Держись, пещерник, крепись,
пещерник.
Ты рыжему чёрту брат!

Грифовские девицы нежными губками выводили светлую песенную грусть, не зная, что коварный Вовка изрядно попортил концовку нежного блюда:

И поёт моё сердце, ликуя,
Мы пещерники оба с тобой.
Мы и в жизни, конечно,
сумеет от ...уя
Отличить сталактит дорогой!

Так было всегда. Буквально вся умильная лирика на Столбах получала лёгкую правку и вторую жизнь. Затёртая лирика становилась развесёлым балаганом. Но не только балдежом славен наш герой.

На скале Позвонок Такмаковской гряды есть лаз Игольное ушко Деньгина – итог усилий скалолаза и спелеолога в одном лице.

В 1961-м он стал одним из основателей стоянки Грифы. Об этом пусть сам и расскажет. А ещё он – жизнерадостный любитель женщин, и они его тоже обожают. Даже в песне поётся:

Идёт на Грифы Деньгин Вова,
С ним куча женщин – все коровы!

Помню нашего героя, как всегда обнажённого, в кольце поклонниц, воспевающего гибель нашего плота на Юльевских шиверах Маны:

И тут плот пошёл на ...уй! (заворожённые девы даже не дрогнули). Я хватаю одной рукой рюкзак, другой – топор, третьей – ружьё и...»

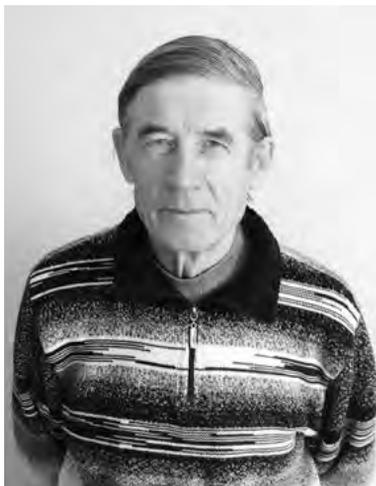
Следивший за пожирателем женского внимания галантный красавец Витя Абакумов не выдержал: «Стой, стой, не надо дальше! Давай про третью руку!»

Такую песню убил на взлёте! Сколько раз, вися на скале, да так, что кровь из-под ногтей, мечтал я о третьей руке, желательно с титановыми пальцами...

И пусть светит Вовка своим поклонницам, бредя тропею быстрорвущейся верёвки, хватая третьейею рукой!

Леонид Петренко

СТОЛБЫ И ГРИФЫ

*Николай Федотович Молчанский,
среди скалолазного народа –
дядя Коля, основатель Грифов.
С юности вместе на Столбах,
в горах, в пещерах. Мастер
спорта по скалолазанию
и горным лыжам, тренер
молодых спортсменов-
горнолыжников и мой друг.*

Полёт со скалы

Напарник меня страховал на стене,
Всё было нормально, и вдруг
Случай спиной повернулся ко мне:
Верёвку вырвал из рук.

Страх полоснул по нервам хлыстом
И в тот же момент пропал.
Время замедлилось как бы раз в 100,
Но мозг очень быстро считал.

Верёвка! Я дёрнул – она со мной
Летела медленно вниз.
И приближался номер второй,
Полка, под ней карниз.

Если попасть на полку ногой,
Дальше полёт вниз головой.
Если коснуться скалы рукой,
Облёт по дуге небольшой.

Рука оттолкнулась ровно настолько,
Чтобы бедро попало на полку,
Всё это шло сознания мимо,
Словно замедленная пантомима.

Удар! Странно, но боли нет.
Внизу толпа ко мне руки тянет.
Мозг: нельзя, не-ет!
Уходите, кричу! Удар.
Полёт и ещё удар...

Я лежу на прохладной земле,
Прижатый множеством рук,
Но шок миновал. Всё словно во сне.
Время вернулось на круг.

Я заорал: «Отпустите меня!
Я никуда не сбегу!»
Эти мгновенья, страховку кляня,
Забыть никогда не смогу.

Ангел-хранитель, спасибо тебе!
Видно, так было угодно судьбе.
Я тихо подвигал рукой и ногой
И через час шёл, хромя, домой.

Написано 50 лет после

Вспотел «страховщик»

(Рассказ Николая Молтянского)

Дело было на Китайской стенке. Тогда много народу ходило тренироваться, и вся Стенка была увешана верёвками – по 10-12 сразу. Я лазил в верхней части Стенки на беговых трассах. Подошла Ира Бакалейникова, привязалась к верёвке и смотрит: кто бы постраховал?

Шёл мимо мужик в городском наряде, в штиблетах – совсем посторонний. Она ему и говорит:

– Пострахуй меня!

– А как это?

– Бери верёвку и выбирай!

Он нерешительно берёт верёвку и начинает выбирать.

Вышла Ира наверх и кричит:

– Нагружаю!

Он, видимо, решив, что его помощь больше не нужна, кладёт верёвку очень аккуратно и хочет уходить.

Ира нагружает верёвку, и верёвка вместе с ней начинает лететь. Она успевает ухватить второй конец, останавливается и кричит вниз:

– Мужик, ты чего? Вспотел?

– Нет, я не вспотел.

– Тогда держи верёвку!

Он берёт верёвку за середину и держит. Ира понимает, что с такой страховкой лететь ей до самой земли. И, уже не надеясь на него, стравливает второй конец верёвки и спускает себя сама.

*Наблюдая всё это сверху, я немного обалдел
и даже слова не мог сказать от удивления*

Полёт со скалы – 2

Прочёл «Полёт со скалы» моего друга Николая Молтянского и подивился точности и глубине описания полёта – недаром он целых 50 лет анализировал это событие, прежде чем описать! И тогда вспомнил я свой полёт, случившийся 9 мая 1972 года с Башни Китайской стенки справа от Зеркала.

Пролез я тогда трассу длиной около 30 метров на страховке моего друга Боба Тронина, и стал он меня спускать «сосиской» (кто не знает: при этом способе страховщик выдаёт верёвку почти свободно, а спускающийся прыжками движется вниз на большой скорости, главное при этом для страховщика вовремя затормозить, чтобы его товарищ не пролетел до земли). И где-то на половине спуска я понял, что лечу уже свободным падением; вылетаю на карниз, а с него – два варианта, как у Николая Молтянского в стихе: или тормознуть на карнизе ногами – тогда пойдёшь дальше вниз головой и ею же долбанёшься в скалу, или оттолкнуться, тогда голова может и остаться целой.

Отталкиваюсь от карниза и ору: «Боооб!» Удар ногами о скалу – и остановка метрах в семи от земли. Боб то ли заболтался с девушками, то ли ещё почему-то, но отпустил верёвку, и только от моего крика очнулся и затормозил её. Спустил он меня до земли. Пробую встать – никак! Страшная боль в ступнях! Собрались кто был, понесли меня в больницу.

Помню, Боб тащит меня на плечах и клянёт себя последними словами: такой-сякой, лучшего друга чуть не угробил! А когда вышли на дорогу, понёс меня к остановке автобуса Шура Михалёв. Тут навстречу девчата знакомые идут на Такмак. Я говорю: «Шура, улыбнись! Девушки идут!» А ему не до улыбок – под 70 кг на плечах.

В больнице сделали рентген, переломов не было, только сильные ушибы. И пришлось мне полмесяца двигаться на костылях и сесть наконец за диплом, который я и защитил в конце июня. Но это – совсем другая история.

Про Боба Тронина и Михаила Семёновича Левина

После выпуска книги Боба «Сказание о Столбах и столбистах» она разошлась не только в Красноярске. Многочисленные друзья Боба из других городов просили меня и своих друзей-красноярцев послать им книгу. И получил я письмо от не знакомого мне тогда челябинского альпиниста М. С. Левина, которое хочу полностью привести в книге.

Челябинск, 16-17.03.2001

Здравствуйте, Владимир Деньгин!

Очень трудно заставить себя ПО ВТОРОМУ РАЗУ рассказывать... Тогда в декабре в Екатеринбурге я вчитался в подаренную книгу, УСЛЫШАЛ голос Боба и ещё в автобусе, по дороге домой, начал благодарить Грифов, В. Деньгина, Ю. Марценко – за ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ... До Грифов я ни разу с Бобом не дошёл; Ю. Марценко судил и до женитьбы «на нашей скалолазке», и, мне кажется, недолго после; а вот Вас, Владимир, извините, не помню! И очень жалею, если мы незнакомы... Да, так вот, сразу по возвращении в Челябинск я написал Вам обо всём, что всколыхнула книга... И отправил Р. Руйге с просьбой передать Вам.

*М. С. Левин (мастер спорта
Михаил Семёнович Левин)*

А в феврале Рудя сказал, что письма не получил, т. к. уже живёт не там – вот почему по ВТОРОМУ РАЗУ; спасибо другу моему Коле Бархатову: ободрил, считает, надо Вам знать о том, что нас с Бобом связывало.

* * *

В 1970 г. на Китайке я впервые увидел СТОЛБИСТОВ – шли мимо, галдёж ЦС ДСО «Водник» их не привлекал. Шурик Губанов знал их всех, но красочность его комментария скорее отталкивала. Не помню, кто звал в избу – я не мог идти, я ночами печатал на машинке протоколы, да и интересней мне было с Вл. Путинцевым (он в 1957 г. оканчивал Алтайскую школу инструкторов альпинизма у Кабановых в одном отделении с моей будущей женой, Маей Орловой из Новосибирска, Казаков А. её помнит; да и уважали мы с «дядей Путей» друг друга со 2-го Чемпионата СССР, где он всей семьёй дебютировал, а я страховал, трассы чистил, баллы показывал и спорил с главсудьёй Антоновичем, – в том 1965 г. авторитетов в лазании для меня не было!). Да и позднее я умел настоять на своём везде – но не на Столбах, там судьбы в 1970 г. знали и умели не меньше.

Но Боба среди «трудоовских» судей не было, хотя «водники» помогли Ушане, Юраше Андрееву, Бобу Багаеву, Ляху; спартаковец Гена Карлов тоже был там. И тот, кто на фото – 70.

В 1975 г. Чемпионат СССР впервые ушёл из Крыма, впервые главсудьёй был не Антонович, впервые были поставлены трассы не только на Китайке, но и на щеке Деда; на Втором столбе – коньковское «минное поле» мужского финала, а правее женскую трассу долбил я и потом судил... Боб говорил, что мы познакомились именно тогда – наверное; потому что на ереванском семинаре 1979 г. я был страшно горд: кроме «буревестниковца» Пиратинского, я один знал этого, в момент

прославившегося красноярца – его доклад «про первые шаги на скале» даже для маститых стал открытием... Ну, я не тренер скалолазов, но мотивация у студентов меня всегда занимала. Тронинский реферат размножили и развезли по стране. Через 2 года в Судаке ждали такого же успеха от психолога Зира Мурзаханова, но он не приехал. А Боб не высовывался из глубокой тени – и демонстрировал везде еле прикрытую 3-литровую банку с несостоявшимся новосветским шампанским... Я разик тоже углубил проложенную им кратчайшую, через буераки, тропку к «однорукому бандиту» посреди пляжа. А, вспомнил, он говорил, что это – БРЮТ (новое для меня слово).

В 80-х я судил на Такмаке ежегодно, на 25-м мемориале Абалаковских (1988 г.) был аж представителем Скального Комитета СССР, а в 1989 г. с Юрой Машковым провёл 1-ю юношескую Сибзону;

Боб Тронин – мастер художественного трéпа

потом по делам ЧТЗ несколько раз бывал на Комбайновом и в Сосноборске, ночевал у Боба, допоздна бродил за ним по столбовским тропам, нагружая рюкзаки «пушшиной»... Вон на стенке его подарок – «приспособа» для страховки. После юнзоны-89 я несколько юнзон на Такмаке был главсудьёй – и все эти 15 лет ежегодно слушал байки Боба, с удовольствием читал их записанными. И читал ему свои стишки, а некоторые – посвящал, писал и дарил.

Бобу Тронину – за байки

(Красноярск '98)

В ПРОШЕДШЕМ ВРЕМЕНИ мы все
Широкоплечи и красивые.
Ещё купаются в росе
Нам розданные Хиросимы.
Ещё мы дьявольски юны
В ПРОШЕДШЕМ ВРЕМЕНИ герои, –
И не вмещаются в умы
Ни перестройки, ни застои.
Как мы сильны и как стройны!
А животы и не видны.
Но вот затикали часы
Безжалостно, невыносимо –
И вспыхивают из росы
За Хиросимой Хиросима!
А нам неведома беда,
И ясен день, и светел вечер
В ПРОШЕДШЕМ ВРЕМЕНИ, когда
Ты легковерен и беспечен.
(Когда глупы мы и пьяны,
До старости – как до луны).
Едва голубоглазый клещ
Вопьётся в «белую головку»,
Успейте у тропы залечь
Со шпалером наизготовку...
Но страшен не огонь атак,
А подлый и бесплодный диспут –
И полыхали на Столбах,
Как Хиросимы, наши избы!

Какие рухнули дубы –
И не от водки, от судьбы!
Боб Тронин, твой коронный трёп,
Как мы, стареет и толстеет.
Не трон сколачивает – гроб
Годам весёлым и затеям.
Кто окосел, кто облысел,
Кто меченый, кто сумасшедший,
Зато потешились мы все
В ПРОШЕДШЕМ ВРЕМЕНИ...
В ПРОШЕДШЕМ...
НО как, скажи, сбежали мы
И от сумы, и от тюрьмы?

1991, Красноярск

Снова месяц чертями украден,
Ведьмы мечутся, как мошкара.
То ли к осени, то ли к осаде
Завелись столбовские ветра.
Ну, а если не к осени вовсе,
А к бессоннице или к долгам?..
«Руки вверх!» – и выхватывает осень
Прямо в сердце мне нацеленный наган.
Не шалите с оружием, леди!
Три ха-ха, но не Вы мне смешны-
Дал я волю кудахтаньям этим,
Оглядев себя со стороны;
Неухожен, простужен, ненужен,
Я смеялся, но как неживой...
(а Такмак мне заглядывает в душу –
Как он это обожает, боже мой!)

1991, еду из Емельяново

Перебирая сны, причаль у тех лагун,
Где вечный балаган, неугомонный гул...
Или нырни до дна ущелий ледяных
И заодно узнай, какое дно у них.
Разгадывая снов кодированный ряд,
Как сочетанье нот, что замысел таят
Сумей сквозь сон понять: узка дорога в Храм,
Не МЕня, а меня подстергали там.
И я теперь живу, но будто в скорлупе,
О всём, что наяву, не думаю теперь:
Не чувствую зимы... Не ведаю весны...
Перебираю сны... Перебираю сны...

Бобу первому читал – он внимательно слушал, как бы повторая про себя... Но никогда не хвалил, не ругал, добавки не требовал.

1991

Моховая мутна река,
Говорливая по весне,
Вот и готика Такмака
Преградила дорогу мне.
Сто верёвок смог Позвонок
Уместить на себе легко...
К Бобу Тронину на урок
Я тащусь за молодняком –
Я тащусь от жарков голубых,
Я тащусь от тропинок любых,
За которыми зов Судьбы
Кожей чувствуют многие...
Тронин,
Стой на своём: Столбы –
Это – ИДЕОЛОГИЯ!

1992, по Базаихе

Воровской гитаре всё равно,
К чьей груди вчера была прижата...
На заре зарезали того,
Кто ей струны разбудил когда-то.
На закате новая рука
Ляжет на покатые бока –
И взлетит шальная песня зэка,
Круто разгоняя облака!
Воровская песня – как река,
В никуда текущая от века.
И столбовской песне всё равно,
Кто там подберёт её на Грифах,
Лишь бы под Китайскою стеной
Не забыли Теплыха и БИФа,
Лишь бы чья-то юная рука
Обняла гитарные бока –
И вздохнёт, прислушиваясь, База:
Глянь, от Ермака до Такмака,
Словно арка, пламя кушака
И лихая песня скалолаза!

Он цитировал мне баякинские строчки – и спровоцировал меня на пародию, которую я на его глазах и записал.

Когда я ползал в обмоченной рубашке,
А молоко активно сохло на губах,
Я был БАЯКИН... А теперь я – НЕБОЯКИН,
Меня никто не испугает на Столбах!

Я вышел ночью на столбовскую дорогу.
Такмак был грозен, как Нагорный Карабах,

Придётся звать свою подругу на подмогу –
Её никто не испугает на Столбах!

Когда укроюсь я под крышкой гроба прочной,
То не один вздохнёт на кладбище чудак
И скажет так: «Теперь, Серёга, точно,
Тебя никто не испугает на Столбах!»

Это было у жёлтого домика, где карьер по дороге к Руйговке – Тронуину эти строчки, я видел, не понравились. Не разговаривая, дошли до Китайки. Я тоже молчал. У останков «Бесов» Боб, наконец, заговорил – о невесёлом.

Памяти Вл. А. Тронина (2000)

Боб пишет свои «Сказания»...

Вот и всё: улетела душа,
покидая холодное тело...
В непроглядной дали затерялся,
угас огонёк,
В черноту, в абсолютную тьму
погружаясь несмело,
Он кружит и кружит, словно
зябкий осенний листок...

И печаль не печаль –
а внизу её было навалом –
И не жаль ничего,
кроме жгучих осенних лесов,
Кроме запаха ветра, что гулял
по излазанным скалам,
Да того ручейка, что растёкся
внизу и засох.

В Красноярске дожди.
Над Столбами – дурные рассветы,
Словно память о том,
что запомнить уже не дано.
Отделилась душа
и помчала куда-то ракетой –
В Никуда... ерунда...
дуновенье осенне-е... одно...

Теперь не поговорим. Теперь только книга осталась.
СПАСИБИЩЕ – М. Левин.

Получив это письмо, я тут же написал ответ. Хотелось очень встретиться и поговорить. Такая возможность появилась в августе 2011 г. Ехали мы с ним в автобусе из Красноярска до Горной Ои и всю дорогу беседовали. В течение почти 2 недель судили Скальный фестиваль «Ергаки–2011» в Каменном городе (он – главный секретарь, я – судья на трассах и хронометрист). По вечерам вели разговоры о горах, о Столбах и не только. Собеседник он был отменный! Тогда же подарил ему первую книгу «Нигде в мире...».

А было ему уже 77 лет, до места соревнований – около часа ходу в гору, поэтому до скал он с трудом дошёл раз или два. А в основном оформлял протоколы соревнований прямо в лагере, получая данные по телефону.

Позже прислал он мне по Интернету собранные им альпинистские песни, в основном на известные мелодии, со справками об авторах первоисточников. Папка с распечаткой этих песен лежит в моей библиотеке. Тогда же узнал я, что известная песня альпинистов «Мама, я хочу домой» – плод совместного творчества М. С. Левина и Ю. И. Визбора. Позже Михаил

Семёнович прислал мне свою книгу «Полвека бардства» с дарственной надписью и такими строчками:

Устами владельца
Глаголет истина:
«Да, все мы в жопе. Но не равны.
Кому объекты,
Кому – объедки» –
Чубайсизация страны!

Не только рассказчик, но и слушатель – Боб!

Как мы стали грифинями

*Памяти Нины Актаевой,
замечательного человека и прекрасной альпинистки,
погибшей в Торгашинской пещере 13 января 1963 года*

14 сентября 1962 года поезд Свердловск–Красноярск привёз двух загорелых, восхищённых своей свободой, удачной защитой дипломов и полных впечатлений от двухмесячных скитаний сначала по горам Тянь-Шаня, а затем Кавказа, девчонок в неведомый город Красноярск. Вернее, немного ведомый, т. к. год назад эти девчонки, т. е. я и Нина Актаева, проходили здесь практику в 5-м цехе завода телевизоров и на отрогах Западных Саян – прекрасных, величественных Столбах. Собственно, только из-за этих Столбов и попали мы в Красноярск.

Ещё в УПИ мы увлеклись альпинизмом. Нина – полукровка, папа – манси, мама – русская, была родом из Ханты-Мансийска. Все наши блуждания по горам, долам и весям бывшего Союза проходили всё-таки вдали от её обеспокоенных вечным отсутствием в каникулы своей дочери родителей. Мои же лазания по Азов-горе, Чёртову городищу и вечно поцарапанные руки и ноги всегда были на глазах моих родителей, мечтающих видеть свою единственную дочь чинной, благовоспитанной девицей, и они страшно переживали от этого. Мне казалось, что если я уеду и они не будут видеть моих «опасных игр», им будет легче, ведь они были такие больные!

В Ханты-Мансийске радиозаводов не было, и Нина мечтала об Алма-Ате. Поэтому, когда нас распределяли, за год до окончания (из-за чего мы и попали в Красноярск на практику), мы с Ниной твёрдо решили выбрать город поближе к горам или скалам. Таким оказался только Красноярск, который считался

Нина Актаева

Нелли Молтянская на Грифах

Заяц и Неля Молтянская идут по Вопросику в сторону Корыта на Крепости

Грифы до 2018 г.

Грифы, 2018 г.

«самым плохим» на распределении местом. Ведь советская радиотехника тогда только зарождалась, и КБ и заводы строились почти во всех больших городах. Каких только «мест» не было: Дубна, Минск, Вильнюс, Свердловск, Пермь и т. д. Красноярск был только на допнаборе, и мы с Ниной отправились на их кафедру. На нас смотрели, как на дурочек или героинь, и с радостью отдали нам два «места» в Красноярск.

Горю моих родителей не было предела, но юность эгоистична... И вот мы с Ниной в Красноярске. Нас встречает уже не старый деревянный вокзальчик, как год назад, а только что отстроенное новое каменное здание вокзала и дикая давка в автобусах. Такой давки я не знала раньше, хотя и в Свердловске приходилось ездить в институт через весь город.

Кое-как добравшись до TV-завода, помятые и взлохмаченные, мы побрели в отдел кадров. В окошечке нас встретил строгий глас начальника отдела кадров: «У вас есть гражданская совесть или нет?» (Мы должны были явиться на завод 1 августа.) Мы не знали, что ответить. Не рассказывать же ему, что 1 августа мы ещё продирались в дебрях кавказских лесов, мечтая покорить высшую точку Кавказа – Эльбрус. Направление в общежитие он нам всё же выдал, и мы побрели туда. Высотная, 7, кв. 7. Последний наш совместный с Ниной красноярский адрес (до этого на практике мы жили весь месяц на Баумана, 18. Там были прекрасные квартиры, и конечно их отобрали у молодых и отдали семейным).

Наутро пошли к директору, от него ещё куда-то, и в результате нас распределили: Нину в СКБ, меня в ОГК. Мы тогда смутно понимали, что это такое, единственное, что нас огорчило – это то, что не вместе, но всё было бесполезно.

Оказавшись в большой, светлой комнате, заставленной столами с бумагами и чертежами, я очень удивилась – где же приборы, паяльники, схемы, к которым нас готовили

в институте? Ведь наша специальность называлась «радиотехника». Оказывается, и я, и Нина попали в конструкторские отделы, где схемы уже «оформлялись» в платы и коробки. Но делать нечего, сидим каждая в своей комнате 6 дней, а в субботу вечером идём на свои любимые Столбы. Но и тут проблема! Куда идти, с кем?!

Два лета подряд (1961 и 1962 годы) в альплагерях мы встречали красноярских альпинистов, даже ходили с некоторыми из них на восхождения: Костя Абрамович, Николай Влодарчик, Ушаня, Витя Видунок, Толя Вставский и др. были добрыми нашими знакомыми. Благодаря им мы, год назад будучи на практике, побывали и в знаменитых в то время на Столбах избушках: Медичке, Вигваме, Сакле, Искровке, Бане. Конечно, эти избушки произвели на нас огромное впечатление колоритностью своих обитателей, живописностью стоянок, свободным, почти разбойничьим духом. Но последний часто и отталкивал нас. Маты, пьянки, даже драки и стрельба в то время были обычным делом на Столбах. Но опять же делать нечего, и пошли мы с Ниной в Медичку – избу, где у нас было больше всего знакомых. В первый же вечер мы получили «боевое крещение». В Медичке был в тот вечер Гена Карлов – в то время самый именитый альпинист в Красноярске, мастер спорта, между прочим, работал на нашем же заводе. Узнав, что у нас уже почти 1-е разряды по альпинизму (не хватало по одной вершине), что в те времена для женщин было редкостью, одна Роза Беззубкина была тогда КМС-ом, Гена сразу же взял над нами шефство и повел нас на Первый Столб. Мы сразу узнали интересные лазы – Трубу, Шахту, Вопросик и др. – и благодарны Гене за то, что он провёл нас ими. После лазания с Геней Карловым по Первому Столбу мы вернулись в Медичку, где уже был накрыт праздничный стол по поводу дня рождения одного из завсегдаев Медички – Моргача.

Сначала всё было прекрасно – тосты, песни, шутки, смех. И вдруг среди всеобщего веселья в избу врывается некто Рабинович. Не знаю, кличка это или настоящая фамилия.

Помню что-то длинное, светлое и аморфное. Чем-то Моргач насолил этому Рабиновичу, и последний решил наказать обидчика. Но не тут-то было. Под рёв толпы нападающий был изгнан из избы. Было уже поздно, и народ разлёгся на нарах и затилах. Через некоторое время раздаётся страшный стук в дверь, в неё врывается Рабинович с пистолетом в руке (говорили, что он недавно вышел из заключения), стреляет в потолок, следом за ним врывается толпа из Вигвама – для «отмазки», по их словам, и начинает бить бедного именованника сапогами по лицу. Что удивительно – ни избиваемый, ни его друзья не оказывали сопротивления: Моргач сидел, прикрыв лицо и голову руками. А все обитатели Медички сидели и молча смотрели на эту сцену. Мы с Ниной, воспитанные на благородных традициях УПИ, не выдержали, стали кричать: «Так нельзя!», рваться в бой. Гена Карлов держал нас за руки и говорил: «Девчонки, сидите тихо, вы не знаете наших законов». Смирившись, мы тоже затихли на нарах. Подубасив Моргача ещё немного, вигвамовцы удалились восвояси... Бывали и другие видения на Культурных.

Всё в той же Медичке можно было увидеть колоритнейшего Гапона, который поздней осенью (уже снег лежал кругом) мог появиться среди ночи в тулупе на голое тело, женских панталонах и валенках на босу ногу... Помню явления Бурматы опять же в Медичке с чтением своих знаменитых стихов:

Повсюду снег, и снег, и снег,
Пассаты дуют и муссоны
А я стою и с... в кальсоны.

Хозяин Медички Ушаня познакомил нас со столбистским фольклором: «облезешь и неровно зарастёшь», «здоровье в порядке, спасибо зарядке» и т. д.

Колоритные видения и стихи нам нравились, но драки и маты – нет. Сидя в своих бюро, скучая над допусками, «винтиками» и «отверстиями», мы с Ниной думали, как же нам изменить положение: во-первых, как из бюро попасть в лаборатории, во-вторых, как найти хорошую, столбистскую компанию без пьянок и драк. Первое было пока неосуществимо, а решение второй проблемы вдруг замаячило в лице моего соседа по столу в отделе – Вовы Деньгина. С первых же дней работы мы с ним выяснили, кто есть кто. Он оказался членом таинственной компании Грифы, легенды о которой мы слышали ещё летом в альплагере от столбистки-альпинистки-скалолазки Тамары Третьяковой. Слухи о засекреченной компании, построившей избу на скале, с какими-то тросами и штурвалами, как в «Тимуре и его команде», будоражили наше воображение, вскормленное романтическим духом конца 50-х – начала 60-х годов. Теперь всё свободное время мы с Деньгиным болтали, рассказывая: я ему – о горах и альпинизме, он мне – о Столбах, Грифах и братьях Молтянских. Вечером в общепитии все Вовкины рассказы я передавала Нине, и мы с ней стали мечтать, как бы попасть на Грифы.

Но не тут-то было! В те времена попасть туда было очень трудно даже альпинисткам-разрядницам. В компании царили строгие нравы. Принимали только достойных. Как мы ни просили Вовку взять нас с собой 7 ноября на Грифы, он отговаривался тем, что общее собрание не дало «добро». Делать нечего! 45-ю годовщину Октября мы с Ниной встретили в большой компании Юры Куземы и Сани Сухих где-то в районе Базаихи, в одной из тамошних изб. Наша третья подруга Люда Шестакова прислала из Вильнюса (она распределилась

туда) поздравительную телеграмму, начинающуюся словами: «Октябрю – 45, нам – половина...» – это было очень точно сказано.

После 7 ноября Вовка сказал нам, что общее собрание решило нам с Ниной прийти. Мы были вне себя от радости (о, если б мы знали, какая трагедия ждёт нас там через 2 месяца). Но пока – мы рады безумно. Вспоминаем бесчисленные рассказы Деньгина о покорении Крепости, Развалов, о слаломных «мучениях», о песнях, и конечно, о них – знаменитых трёх братьях Молтянских – певцах, гитаристах, скалолазах, прыгунах через скальные пропасти. С младшим из братьев, Колей, Вовка учился в одной группе в техникуме. Они первые, да ещё их же однокашник Боб Тронин и решили в огромной пещере под вершиной скалы Грифы недалеко от массива Крепости на Диких Столбах сделать стоянку. Первую стоянку, правда, организовали не в большой пещере, а в маленькой – перед большой, но после её сожжения решили построить настоящую избу в большой пещере, окончание строительства которой и отмечали несколько дней назад. Да, забыла ещё сказать, что где-то в конце сентября – начале октября 1962 года был коллективный выход завода телевизоров на Дикие Столбы, и мы все подошли к Грифам – тогда ещё всю шло строительство первой большой избы. Мы слышали стук топоров, но избы не было видно ниоткуда. Привёл нас Деньгин под скалу, где на костре девушки и парни что-то варили. Встретили нас сдержанно-приветливо. На просьбу показать, где строительство, сказали: «Ищите сами. Заберётесь, значит, увидите».

Саня Сухих, хозяин избышки Перушка, старый столбист, один из первых скалолазов Красноярска, занявших в Ялте на соревнованиях призовое место, решил попытаться (между прочим, он был начальник отдела у нас в СКБ). Мы с Ниной вызвались сопровождать его, и мы все полезли на скалу. Веня Волко-

ницкий, друг Сани, шёл с нами до перемычки, дальше только наблюдал. Саня Сухих от перемычки, как заправский фокусник, полез сразу вверх на вершину, используя небольшую выемку справа и ручку от бидона. Забравшись, он сбросил нам с Ниной кусок репшнура, и мы с Ниной по нему поднялись к Сане. Пройдя ещё несколько метров, мы очутились на вершине, но избы не увидели. Зато увидели тросовую лестницу, спускающуюся с вершины куда-то вниз. Посоветовавшись, мы решили, что это – единственный путь к цели. Используя лестницу как верёвку (иначе мы тогда не умели), держась за неё руками, а ногами шагая по скале, мы по очереди спустились вниз и, на глазах изумленной публики, оказались около строящейся избы. Тогда же впервые мы увидели будущих наших (моих) многолетних друзей: Зайца (Людю Зайцеву-Резвову), Алика Резвова, Валеру Потехина и др. И после всего этого они ещё месяц думали – принимать нас или нет в компанию! (То ли дело сейчас: сколько приходит в компанию просто так, только по своему желанию. Даже обидно за нас.)

Но вернёмся к братьям Молтянским. История семьи Молтянских похожа на истории многих сибирских семей, и всё же во многом она исключительна. В конце XIX века в Орловской губернии были владения польского пана. Сам пан по зимам жил в Польше, а управлял имением тоже поляк по фамилии Молотянский. И вот однажды на его крыльцо были подброшены два младенца. То ли это был его грех, то ли просто подкидыши, история об этом умалчивает. Тем не менее, этот Молотянский маленьких близнецов не бросил, дал им свою фамилию и имена Сергей и Степан, вырастил их и в 19 лет посоветовал «идти в Сибирь». Тогда многие шли в Сибирь: земли там богатые и их много. Братья «пошли» и осели в Красноярском крае, недалеко от Ужура, в деревне Новая Сокса, станция Ададым, Крутойяр. Там один из сыновей Степана – Федот – встретил и полюбил

молоденькую девушку Женю, тоже из большой семьи выходцев, но уже из Белоруссии – Шопотов. У Федота и Жени родилось четверо детей – Лида, Толя, Витя и Коля. Жене было 17 лет, когда она вышла замуж, и 25, когда началась война. Федота, как многих сибиряков, почти сразу взяли в армию и бросили в самое пекло. Он погиб в конце 1941 года, а через две недели после похоронки Женя родила мальчика. Мальчик был слабый и не дышал. Повитуха предложила не отшлепывать малыша – ведь уже есть трое детей мал мала меньше, и матери всего 26 лет. Но Женя была непоколебима и через несколько шлепков мальчик закричал... Война, голод, холод, жизнь в землянке, недоедание, безотцовщина – вот спутники раннего детства наших героев. Но могучий дух отца и терпение и доброта матери и помощь бабушки Елены Шопот сделали своё дело – все четверо выросли способными и целеустремлёнными. И все очень музыкальны. Конечно, здесь сыграли роль и гены отца, но и заслуга матери велика. Оставшись вдовой в 26 лет, она никогда больше не вышла замуж, все силы, тепло и заботу отдала детям. Как бы ни было трудно в войну и после, но гармошка в доме была, а потом и гитара, и баян...

Младший, конечно, был самый слабый, и лучший кусок был ему. И болел очень много – бронходонит и другие болезни. Но учился всегда хорошо и даже ездил в Артек.

До 1956 года семья жила в деревне и только потом перебралась в город при помощи племянника Фёдора Юхновца. Очень много Молтянских и Шопотов погибло на Отечественной войне. В 1975 году в год 30-летия Победы Лида и Толя ездили в Соксу на открытие памятника погибшим. На фотографиях видны целые столбцы с фамилиями Молтянских и Шопотов. «Ох, война, что ты, подлая, сделала?!»

Итак, Деньгин прожужжал нам уши с Ниной про братьев, в основном про младшего. Несмотря на то, что он в семье

младший, Николай годам к 17-ти стал бесспорным лидером в силу своего характера, хотя привели его на Столбы старшие братья. В 17 лет он на Столбах, придя туда с братом Витей, уснул у костра и загорелся. Проснулся от боли, когда уже пылала телогрейка. Вити рядом не было, друзья растерялись, и пока не разыскали Витю, он всё горел, задет был большой участок кожи на спине, и Коля угодил в больницу. А ведь были сданы экзамены в институт, и ждали результатов. Спина заживала плохо, в больнице занимались живодёрством – бинты сдирали безжалостно, и мать, видя, что дело плохо, забрала его домой и стала лечить сама открытым способом. Надо было идти в институт узнать о приёме, но пошёл брат, глянул куда-то не туда... и забрал документы. Вот так вместо института попал Коля в техникум. Дело случая... Когда-то на Такмаке, прыгая через пропасть, Коля сломал ногу и сочинил после перелома прекрасную песню. Вот эта-то песня, переписанная во время наших первых бесед с Деньгиным его рукой, и потрясла нас...

Колина песня

1. Вижу я даль, за далью даль –
Небо в огне.
Скальный чертог, чёрный цветок,
Мох на стене.

П-в. Я на уступе сижу, перед собою гляжу,
Гляжу туда, где та гряда,
На ней мне быть когда.
2. Вот уж зима, скалы и лес
Скрыли снега,
Мне на беду, словно в бреду
Стонет тайга:

П-в. Я на уступе сижу, перед собою гляжу,
Гляжу туда, где та гряда,
На ней мне быть когда.

3. Были друзья, были враги –
Нет их теперь.
Снова один, скалы, ваш сын,
Слаломный зверь.

П-в. Я на сугробе лежу,
С тупою болью гляжу,
Гляжу туда, где есть покой,
Где нет земли со мной.

К моменту нашего приезда в Красноярск Коля на Грифы почти не ходил. Он всегда был фанатиком всего, чем увлекался. На тот момент он увлекался йогой. Дошёл до того, что стоял по полчаса на голове, и от этого у него на несколько сантиметров сместилось сердце – так рассказывал нам Деньгин. На самом же деле от йоги или ещё от чего у него развилась тахикардия – временами сердце работало с перебойми и чуть ли не совсем останавливалось. Как человек очень впечатлительный, он испугался (испугаешься тут!), почти не мог ходить, будил по ночам мать. Спас его школьный друг Саня Мальцев. Он часами потихоньку гулял с ним по городу и за городом. Именно к моменту нашего с Ниной прихода на Грифы Коля туда ходить не мог – он «гулял» с Сашей. Средний брат Витя в то время учился в Новосибирской консерватории.

Про старшего брата Толю тоже ходили легенды – сам высок, красив, жена Тамара – красавица, и маленький двухгодовалый Серёга. Деньгин утверждал, что, когда братья вместе поют и играют на гитарах, действие неотразимое: приходилось

верить на слово, т. к. Толя тоже тогда ходил на Грифы редко – сын маленький, оба с женой работают, да ещё учатся заочно в институтах... Троица первооткрывателей Грифов успела к этому времени окончить свой машиностроительный техникум. Боб Тронин служил в Советской Армии. Деньгин был направлен на работу на TV-завод, где мы его и встретили, а Коля Молтянский был в это время студентом 1-го курса втуза.

И вот мы пришли с Ниной и Деньгиным на Грифы, сразу в первый выходной после празднования 7 ноября 1962 года, т. е. ровно через год после официального образования компании Грифы, и с той поры не было ни одного выходного дня (до...), чтобы мы туда не ходили. И получается, что таких походов было всего 8 (!) – с Ниной. Эти 2 месяца были как сплошной праздник. Мы сразу почувствовали – вот это наше родное, то, что мы всегда любили: простота, доброта, спортивность, благородство, песни, смех, шутки и необыкновенной красоты природа. Никаких пьянок, драк, пошлости. И ходило тогда туда не так уж много людей: Алик Резвов, Деньгин Вова (иногда и Серёжа – младший брат), Валера Потехин, Тома Рубинштейн, Галя Макаревская, две «внучки» – Галя Куликова и Люда, Пляскин Саня, Галя Путилова (Кот), Люда (Заяц), Нина Резвова, Лёня Петренко. Последний, пожалуй, вносил какой-то надрыв в отношения, но в невыносимую стадию этот надрыв перешёл чуть позже. А пока мы с Ниной купались в дружеской атмосфере после всех «ужасов» Культурных Столбов. Все эти 8 походов слились, и трудно сейчас, по прошествии 36 лет, отделить один от другого, и всё-таки отдельные яркие картинки так и стоят перед глазами, будто это было только вчера.

В те времена на Грифы ходили чаще Калтатской тропой, но в тот раз (один из первых) тащили печку и потому шли

более коротким путём – через Культурные Столбы. Тащить тяжёлую чугунную печь 15 км по горам и бурелому даже большой толпой – занятие не очень лёгкое, тем не менее, ночная тайга сама по себе красива, а тогда ведь была шестидневная рабочая неделя, и уходили на Столбы в субботу после работы, часа в 4 вечера, т. е. почти весь путь проходил в темноте или при свете звёзд, луны и при свете фонариков. Оба вида освещения придавали тайге с грозными скалами загадочный вид, одно это уже приводило толпу в очень взволнованное состояние, а молодость всех членов странной процессии, всякие выкрутасы чугунного чудища в снежной колее и вовсе доводили дело до экстаза. Смех, шутки, рассказы не прекращались все 15 км.

Другое воспоминание. 5 декабря, в день тогдашней сталинской Конституции – в мороз -30° – решили штурмовать один из сложнейших бастионов Крепости – Корниловский. Пальцы стыли, щёки стыли, всё стыло, но бастион был покорён. Даже сейчас вижу, как стоит Нина в широких штормовых зелёных штанах с широкими розовыми резинками вместо подтяжек, очень серьёзная (а обычно хохотушка) и готовится к штурму Корниловского.

Я ещё почти ничего не рассказала о Нине. Надо сказать, что Нина была необыкновенным человеком – доброй, весёлой, фантастичной, наивной, лукавой, умной, смелой. Как она умела смеяться – как звонкий ручеек! Как она была добра и щедра! Наивность и открытость манси, чистота этого маленького народа, затерянного в Сибирско-Уральских просторах, сочеталась в ней со всеми высокими качествами русской души и давала алмазный сплав. За всю свою жизнь я больше не встретила такого человека...

Третья картинка. Большой сбор Грифов перед празднованием Нового года в комнате общежития Красмаша, где жил Алик Резвов, где-то на остановке «Нефтебаза». Обсуждаются все аспекты встречи Нового, 1963 года. За большим столом собралось человек 30. Во главе стола сидит Коля Молтянский. Мы с Ниной впервые видим его и потрясены. Серьёзный, даже трагический взгляд, а ведь ему нет ещё и 21 года! Почти всё время молчит, но если что скажет, то звучит очень весомо. Он ещё не до конца здоров, потому на Новый год на Грифы не идёт, но окончательное слово во всех вопросах – за ним. Нас знакомят. Все Грифы хором поют несколько песен. Затем мы с Ниной (певцы мы ещё те!) исполняем нашу любимую песню про Грина «Нам никогда не стариться с годами»...

Домой едем через весь правый и левый берега, не замечая мороза. Захлебываясь, говорим о Коле. Нинка в порыве благородства и бескорыстия говорит: «Давай повезём Колю на Грифы на саночках!» Я горячо поддерживаю эту идею фикс.

Картинка четвёртая. Празднование на Грифах Нового, 1963 года. Предновогодний ажиотаж. Нинка едет с женщинами в Дивногорск и покупает на все деньги, что у нас были (у нас с ней всё было общее – деньги, книги, даже одно зимнее пальто, которое мы носили по очереди), апельсины и стиральный порошок – и то, и другое было тогда ба-а-льшой редкостью – и всё это мы распределяем поровну между собой и соседками по общежитию – денег, конечно, у них не берём. Основная толпа уходит 30-го, а несколько человек на день раньше, для подготовительных работ. С ними отправляют и меня с целью починить сломавшийся на стоянке радиоприёмник. За последние 33 года работы радиоинженером каких только сложных приборов космической и тропосферной связи я не налаживала, но бытовую

радиоаппаратуру так и не научилась ремонтировать, тем более тогда, «на заре туманной юности», но имидж – великое дело, я ведь в школе была радиолобителем, и пришлось мне подчиниться, а так хотелось идти с Нинкой. Лирическое отступление. Все эти четыре месяца мы вели интенсивную переписку с нашими институтскими друзьями, особенно с нашей дорогой Людкой, которая дико скучала без нас и без Вадика Шкодина, нашего общего друга и её тогдашнего жениха (он доучивался на физтехе УПИ) в своём Вильнюсе и страшно завидовала нам, что мы вместе в Красноярске. Она писала нам прекрасные грустные стихи, и мы говорили, что Людин поэтический дар крепнет и расцветает в тяжёлых условиях разлуки, как и подobaет всякому настоящему таланту... Но обратного адреса она нам не давала, и это нас беспокоило, как будто мы что-то предчувствовали.

И вот я с передовым отрядом на Грифах. Не помню подробностей моей борьбы с неисправностями приёмника и прочими предновогодними хлопотами, зато хорошо помню появление на Грифах огромной толпы с воплями и боевыми кличами и среди этой толпы – моих дорогих Нину и Люду. Вот это сюрприз! Ни словом в письмах она не обмолвилась об этом визите. А как рисковала! Ведь Нина уже пошла из общежития на остановку, чтобы ехать на Грифы. Остановка автобуса была тогда наискосок от нынешнего ГорДК, на углу знаменитого сквера, и, стоя на остановке в ожидании автобуса, Нина вдруг видит на противоположной стороне Люду, выходящую из автобуса, пришедшего из города. Нашу Люду в красивом зеленом пальто с белым меховым воротником и белой пуховой шапочке – Снегурочку из Вильнюса, приземлившуюся в Красноярске! Ещё бы одна минута, и они бы разъехались, и ни один человек в общежитии TV-завода не сказал бы, где находятся эти самые Грифы.

Но Судьба! Итак, мы все вместе – старые друзья с новыми, и так всё хорошо. Кстати, Люде в Вильнюсе никто не верил, что она летит к подругам, а не к другу, в Красноярск встречать Новый год.

Подготовив всё к праздничному ужину, всей толпой пошли на Крепость. С Крепости пришли все мокрые, усталые, но счастливые и довольные. Мокрое сняли, надели сухое. А у меня не оказалось ничего сухого. И вот тут кто-то протянул мне чудесный чёрный длинный сарафан с серебристыми звёздами – реквизит с новогоднего бала в институте Сибцветмет, где работали многие Грифы. Натянув этот чудо-сарафан на себя, я оказалась единственной Дамой среди спортивного люда, вот так и родилась моя кличка на Грифах, которую я ношу уже 35 лет! А потом было застолье, а потом были песни, много песен! А потом была игра «Альбой», где победила, конечно же, Нина Резвова – от природы сильная, спортивная, заводная, певунья, у которой любое дело, за которое она бралась, получалось прекрасно, начиная от драмкружка, водолазного плавания и кончая тренерством по горнолыжному спорту, где она играючи воспитала нескольких чемпионов Союза. Второе место заняла наша Люда – она ведь была мастером спорта по лыжным гонкам, а третье – со смехом и писком заняла Нина Актаева. Заяц бы, конечно, тоже заняла призовое место, но её свалила с ног высокая температура и ангина, и бедный Заяц лежала закутанная и больная. Два дня пролетели, как одно мгновение. В один из первых дней Нового года произошла роковая встреча, вернее, роковой договор с компанией Прометей, которую мы встретили на стоянке Гном под Крепостью. Их предводитель, Тигровое Ухо, был всеобщим любимцем и разухабистым парнем, несколько старше всех нас. В воздухе давно витала идея сходить в Торгашинский провал – самую глубокую пещеру в окрестностях Красноярска. Грифы и Прометеи бывали там уже не раз,

нам с Ниной тоже хотелось там побывать, и вот представилась возможность. Договорились все вместе двумя компаниями идти в пещеру 12 января! О, если б можно было все переиграть!.. На том и расстались с Прометеями.

Остались от того Нового года чудесные фото, пять лыжниц: Заяц, две Нины, Люда и я стоим в заснеженном лесу, счастливо улыбаясь. 3 января, а может, чуть позже Люда улетела от нас в Свердловск, а затем – в Вильнюс.

Картина пятая. 6 января мы с Ниной Актаевой идём на Грифы вдвоём (впервые «без никого») Калтатской тропой. Чудесная лунная ночь. Чудесный, задушевный разговор, изредка нарушаемый мелкими спорами, обычными среди близких друзей. Строим планы на лето – мечтаем побывать на Памире, где мы ещё ни разу не были. Сомнения в правильности пути. А луна всё светит и сияет, как волшебный фонарь, и под её светом всё становится волшебным. А вот и Калтатская стоянка – ура! Значит, идем правильно. Скоро Грифы. В этот раз народу на Грифах мало, и это тоже приятно. Всё-таки большие толпы утомляют, хотя в Новый год это хорошо! Попев, поговорив, помечтав, уходим ко сну. Завтра снова вверх по заснеженным скалам, а потом – домой. До свидания, Грифы. Но для Нины оказалось – ПРОЩАЙТЕ!

Нина Актаева очень любила Горы и Поэзию и сама немного писала стихи. Вот одно из её стихотворений:

Мы не скажем Вам, Горы, прощай –
Мы хотим Вам сказать – до свиданья!
До новых, до будущих встреч берегай
Сгусток мужества Гор, поцелуй облаков.
На прощанье не будем Вам клятвы давать,

Громких, ярких Вам слов мы не скажем – не надо.
Если можно, простое возьмите от нас –
Самое незаметное и обыкновенное – спасибо!
Можно, Горы? Возьмите, Горы!
За то, что человек у вас становится Человеком,
А трусливый и слабый вперёд не пойдёт.
Спасибо – за смелых, красивых,
Самых верных, надёжных друзей,
Презирающих Время и Смерть.
Спасибо – за то, что вы Жизнь научили любить,
Эту непонятную, дорогую штуку – Жизнь,
Которую начинаешь чувствовать
Лишь рядом с вами, Горы,
В тревогах ночных,
В шёпоте звёзд непонятных,
В серебристых тумана волнах,
И в седых непокорных высотах,
И в любимых глазах,
И в песне на замерзших губах...

*Нелли Молтянская
1998 год*

Новогодний круиз с Бобом

Праздновали мы на Грифах Новый, 1982 год. Собралась своя «в доску» компания: Коля Молтянский с Нэлей, Алик Резвов с Людой Зайцем, жена Сани Пляскина Галка Кот с 11-летним сыном Серёгой, родившимся в Алма-Ате и впервые увидевшим тайгу и Столбы, я с моей Галкой и 10-летним сыном Виталькой, Боб Тронин. А ещё – Виталий Шевченко – моряк и художник, отчаянно смелый человек: на отдыхе уходил в море на шлюпке один (!!!) и рисовал морские пейзажи. А по Столбам после морской службы ходил с этюдником; мы ему показывали самые живописные виды на скалы, а он их рисовал во все времена года. Также он ходил с буссолью по всем районам заповедника, «привязывал» скалы и выпустил первую карту всех скальных районов Столбов.

И вот сидим, поём песни, все в экстазе. Вдруг художник Виталья заскакивает в избу и прерывает поющего Кольку:

– Коля, выйди!

Тот отмахивается и продолжает петь, играя на гитаре. Виталья опять настойчиво говорит:

– Коля, выйди!

Оборвав песню, недовольный Колька выскакивает за порог и тут же кричит:

– Пожар!

Оказывается, горит крыша. Потушили и снова продолжили встречу Нового года.

На другой день к вечеру собрались и пошли домой. По пути договорились зайти в Нарым; вечером по телевизору должен быть концерт Высоцкого. А ближайший телевизор – в Нарыме. Моя Галка пошла с сыном Виталькой домой, а меня Боб отпросил у неё, и она согласилась отпустить меня ещё на день.

Посмотрели мы концерт Высоцкого и поздно вечером двинули с Бобом в избу Идея на Каштаке. Идём при полной луне, снега кругом лежат и блестят – здорово!

Да и Боб завёл нескончаемый трёп – сперва по концерту В. С. Высоцкого, потом плавно перешёл к афганской войне, про которую ему много рассказывал служивший в Афганистане студент, занимавшийся у Боба в секции скалолазов политеха. Зашли в Идею, посидели, потрепались немного, хлебнули чаю на дорогу и пошли дальше...

Вышли на смотровую площадку Бобрового лога, полюбовались потрясающей панорамой Такмаковского района при лунном свете и решили заглянуть в Скит – избу как раз напротив смотровой площадки – на противоположном хребте над речкой Моховой. Спрыгнули с площадки и по колено в снегу скатились к речке, потом по крутому склону в лоб поднялись к Скиту. В избе было всего два человека: Володя Бравый и Федя Бич (клички). Они обрадовались нашему приходу, порылись в запасах и выкатили бутылку спирта в белой медицинской оплётке.

Боб тут же исполнил свой коронный номер: набрал спирта в рот, пополоскал глотку и проглотил, не поморщившись.

Да, ещё подробность, после выхода из Идеи почему-то Боб переключился с Афганистана на партизанское движение в его родном Большом Улуде во время Гражданской войны. По рассказу Боба, в этом движении активно участвовал его тогда ещё совсем юный батя. Этой темы хватило до самого Скита, да и в Ските он продолжал её, пока все не уснули...

Так что Боб полностью оправдал звание «мастера художественного трёпа».

Вспомнился Визбор

Шёл я в конце марта 2019 г. на Грифы. Зашёл по пути в избу Нелидовку, поговорил, попил чаю, и на прощанье хозяин избы Сергей Фёдоров посоветовал мне быть осторожнее: медведи просыпаются, и у меня есть шанс встретить голодного медведя. Поэтому шёл я в глубокой задумчивости: вспоминал мои и друзей встречи с медведями в прошлые годы, все почему-то летом и осенью, когда медведи сытые и не нападают на людей. (Или редко нападают). Кстати вспомнился Визбор:

Месяц кончается март,
Снег по колено в лесу;
Я без компАса и карт
Ночью иду и не ссу!

Если ж голодный медведь
Нагло навстречу попрёт –
Буду ему я ...здесь –
Может, тогда не сожрёт!

Правда, дошёл тогда благополучно, никого не встретив. Но всю дорогу туда и обратно напевал я эти строки на знакомый мотив.

Как понизить сахар в крови

В тот раз или неделей позже, не помню, шёл я с Грифов по короткой тропе на избу Эдельвейс. Подошёл по времени к полудню. На веранде Эдельвейса сидел в одиночестве Володя Петров в компании пачки сухого вина и нарезанного сыра для закуски. Обрадовался мне и предложил присоединиться. Объяснил выбор меню высоким содержанием сахара в крови и необходимостью его понизить. Я не знал, сколько у меня в крови сахара, но поддержал его предложение, и за приятной беседой мы пачку уговорили. Он тут же достал вторую пачку, и мы продолжили беседу. По окончании второй пачки беседа пошла уже лёжа на нарах, и постепенно мы заснули. Вечером пришёл народ и разбудил нас.

Вечер и ночь прошли как обычно. Наутро мы вдвоём ушли на Центральные Столбы. По пути каждые полчаса Володя доставал какой-то прибор и мерил сахар. Похоже, мы хорошо его вчера понизили. Дошли до центра, он пошёл домой, а я походил по Столбам до вечера (всегда неохота уходить), а вечером двинулся домой, обогатённый знанием – как понижать сахар в крови.

Таланты кроются в гуще столбовского народа! Ходит-лазит рядом такая Юля – вдруг раз! – а она сказочки пишет. Я прочёл, мне понравилось. Почитайте и вы. Если покажется, что кое-где пересолено – так ведь какая жизнь, такие и сказки.

В. И. Хвостенко

Сказ о том, как Люля с Лёпычем на Грифы зимою гуляли

Было это очень давно. Настолько давно, что вспоминать страшно. Году в 2005, это Люля помнит точно. После приезда из Китая, где Люля провела всего две недели вместо запланированного года, ей удалось вернуть деньги за страховку. На эти самые деньги были куплены её первые трекинговые ботинки Salomon в тогда ещё существовавшем магазине «Спортгалия».

В пятницу позвонил Лёпыч и сказал: «А не потоптать ли нам снежку до Грифов?» Идти решили в субботу вечером. Недолго думая, Люля метнулась в магазин и приобрела

заветные скороходы, но, придя домой, обнаружила, что они оба правые! Один 38, второй 39 размера – именно те, которые мерила. Ехать менять их в магазин было лень и некогда, а посему, набравшись наглости, Люля позвонила туда и затребова-ла привезти ей нужный ботинок на дом! На что был получен не менее наглый ответ, что они этим не занимаются... Посмотрев внимательно на обе ноги, Люля пришла к мысли, что идти в обоих правых башмаках будет крайне неудобно, даже в Саломонах, а тем паче в такие @бенья, как Грифы. Это ж два часа от центра только летом... А по зиме и темноте – все три. В общем, скрипя зубами, решила ехать менять на следующий день.

Наступил долгожданный вечер. Выбрав подходящий напиток на дорожку, а им стал вермут чинзано, Люля отправилась наверх. Лёпыч предложил тяпнуть водочки – она в те времена была достаточно вкусной, но Люля вежливо отказалась, выразив опасения не дойти. Шлось очень долго и нудно, дорога в темноте казалась бесконечной. На избе никого не оказалось, поэтому пришлось ждать, пока Лёпыч провесит известные перила и мостик. Мостик представлял собой узкое брёвнышко шириной сантиметров 10, подвешенное на цепи, вдоль которого бросались верёвочные перила. Ночью и пьяным было очень весело проходить по нему в валенках 45 размера, понимая, что под тобой 20 метров высоты. Зашли, затопили печку, стали петь песни, есть еду и пить водку. Пока Люля находилась в положении сидя, водка вела себя вполне прилично в организме, но когда легли спать, Люля вспомнила, что было выпито до. Вермут не мог договориться с водкой, в каком порядке перевариваться, поэтому спать пришлось сидя.

Сказать, что Грифы – самые замечательные затейники по части строительства изб, значит ничего не сказать. Человек,

приходящий сюда впервые, долго не верит, что такое вообще бывает. И ладно бы мостик, ладно журавль, которым поднимают воду, но туалет! С избы, втиснутой в скалу на высоте примерно 9-этажного дома, бегать по малой нужде, особенно ночью, было бы очень неудобно, а посему Создатели решили спасти окрестности от неминуемого описывания и приделали железный сундук прямо на скале. Располагалось сие инженерное сооружение за пределами жилой зоны, и, чтобы добраться туда, гостю предлагалось пройти-таки снова по замечательной жёрдочке на цепочках, обогнуть скалу и присесть (скорее всего, в шинели), склонившись над пустотой под очень неудобным углом – углом наклона лыжника при спуске. Видимо, поэтому жидкость в сундуке была замёрзшей под уклоном...

Итак, новые ботинки были испытаны, и наутро с головой, раскалывающейся от похмелья, Люля с Лёпычем (которому повеселилось не видеть её ночных вылазок до самой земли) благополучно отправились обратно в город. «Жаль, на Крепость не сходили, – подумала Люля, вздыхая, – там хорошо...» Но это уже совсем другая история.

Юлия Чепуштанова

*Виталий Владимирович Деньгин – мой сын. По профессии – врач.
С детства бывал со мной на Столбах, на Грифах, в пещерах.
Осуществил мою мечту: взойёл на семитысячник –
тик Ленина – в составе команды красноярцев в 2006 году*

Грифы: прогулка на избу

Путь на Грифы – это 15-километровый подъём таёжной тропой, в среднем занимающий около трёх часов. Тем не менее, путь этот посилен и детям, и пожилым, и даже даунхильным велосипедистам. Был такой опыт, ведь тропа идёт в основном вдоль ручьёв, а ещё она конная, так что большинство корней из неё повыковыряны. Конечно, упёртости, чтоб протащить железного друга через топкие ручьи, нашим людям не занимать, могли бы и повторить велопутешествие, а то и моноколесо какое-нибудь приспособить. Но ведь куда приятней лихорадочной скачки по кочкам неспешная прогулка пешком.

Начинается прогулка традиционно подъёмом по речке Лалетиной, минуя Слоник и гривку между Первым и Вторым столбом, после чего уходит вправо, пропуская заброшенную стоянку Ферму, накрытую каменной кепкой-козырьком, резким сбросом сбегает на Нелидовский ручей, форсируя его и далее кружа через матёрый смешанный лес вдоль крутого склона у ручья столбовский Калтат, чтобы наконец ручей пересечь, резко уйти влево от Манской тропы, отерев правым боком узкий гребень величественной скалы Манской стенки, преодолеть сырой Бабский Калтат и вкось плавно перевалить весёлую светлую Черничную горку.

Идти с непривычки может показаться скушновато – топай да топай, смотри на спину проводника, слушай поскрипывание под ногами, взбульки ручья и вздохи тайги. Когда я маленьким ходил по тайге с папой, ряды древесных стволов примелькивались и начинало казаться, что прямо за ними уже стоят серые контуры многоэтажки или скала – то есть конец пути, а когда дальше по ходу все ещё оказывалась тайга, очень обижался на обман и не хотел идти дальше. Не потому что устал, а от несправедливости. Хотя глоток чаю и конфетка эту несправедливость обычно неплохо исправляли. С годами подсознание

научилось лучше прятать мечты, и вместо воображения картинок я научился уходить в свои мысли – и дорога теперь оказывается совсем не скучной! Пока время есть, давайте подумаем о великих, например, альпинистах – как они стали великими? Зашли на большие, ранее не покорённые горы. А как это проявлялось в действиях? Да обыденно – шли себе и шли в гору. Иногда, конечно, верёвку перестёгивали, какие-то железки в скалу втыкали и прочее. Но суть дела – просто очень медленно, но упорно двигались вперёд. Вот и мы сейчас так. В сущности, любая жизнь состоит из ритмичных движений. И мы, и наши органы, сердце там и кишечник, постоянно ритмично повторяем внешне одинаковые движения. Не говоря о миллиардах бактерий и прочих сожителей, населяющих наш организм и скрашивающих наше существование, а иногда, при болезни, просто крошащих его в крошечный путь до реанимации. Каждое прошедшее движение наш организм чему-то учит, позволяет исправить какую-то ошибку в программе. Прошёл жизнь без фатальных ошибок – вот тебе и старость в награду – просто накопленное количество повторённых движений. Может быть, и мудрость состоит просто в накопленной статистике повторений? Так вот и топаям, набираемся опыта. Мы идём, а жизнь проходит веской поступью судьбы.

Так, проголодались. Не забываем, что ягоду брать в заповеднике (сорри, национальном парке, пора привыкать к новому неполиткорректному наименованию) запрещено, да и выдадут ослушавшегося почернелые пальцы и язык... Пересекая Сухой Калтат, тропа бодро переползает невысокие хребтики и наконец утыкается в разложье Крепостного Калтата, представляющее собой хлипкую болотину, в высокой траве которой безуспешно пытается потеряться, но наконец милостиво выводит к замшелым булыжникам, скальным грядам и, в завершение, сумрачной, драпированной елями высокой стене. Это и есть скала Грифы.

Начинаем карабкаться вверх по сырой скальной расщелине, цепляясь за корни плотно угнездившихся в ней жилистых сосёнок. Подъём, усыпанный каменной крошкой – дресвой – и сосновыми иголками, крут, но благодаря деревьям не опасен. Постепенно становится суше. Скоро остаются ниже вершины окружающих елей, и открывается панорама величественной стены Крепости, холмистой тайги, остроконечной скалы Дикарь на горизонте и покрытого маревом города. На маленькой перемычке можно перевести дух. Начинается гладкая скала – катушка.

Катушка – это просто ровная наклонная стенка, на которой не за что ухватиться и некуда, на первый взгляд, даже опереть ногу – она вся одинаково гладкая. А влево и вправо от неё отвесная скала, до самой земли, и под тобой вершины таёжных сумрачных ёлок качаются, словно ряды копий, вожделеющих твоей плоти... А скала здесь безо мха, без корней и деревьев – блестит, отполирована ногами множества прошедших по ней. Конечно, это наблюдение может утешить, ведь если другие смогли, чем хуже ты? Тоже должен пройти! Но они ведь все были ловкие и умелые, а ты нетренирован и неуклюж... Пока размышляем, кто-то уже ушёл вперёд за перегиб скалы, начинает поддувать ветерок, и глупо же в конце концов стоять под стоянкой и не посмотреть избу? Так скала потихонечку начинает менять твою психологию.

Вообще, это интересное состояние – стоишь себе на удобной полочке, в тёплую и солнечную погоду, видом красивым любуешься, а сделаешь всего один шагок, и окажешься висющим на кончиках пальцев над неминуемой при ошибке погибелью, и придётся контролировать буквально все мышцы тела – нужные напрягать, а ненужные в этот момент расслабить, и не задерживаться в этом положении, пока мышцы не заныли от боли, а решаться на следующий шаг. Это сейчас ты, не лазавший ещё по скалам, слушаешь всю эту тираду пытающегося

настроить тебя на движение вверх столбиста и удивляешься, как это он, оказывается, так ловко умеет заливать словами твой нервический страх – а потом таки шагнешь, и застынешь, не сумеешь сделать второй шаг, раскорячишься, всё осознаешь, охолонёшь и спрыгнешь обратно – и вот тут-то до тебя дойдёт! А деваться некуда, назад идти далеко, а вперёд – страшно! Ну, с богом, давай – слушай подсказки, куда руку, куда ногу, ставь, опирайся, давай тянись! Внимательно наблюдать за твоим движением, и в нужный момент дать подсказку или подставить руку или ногу – это и есть столбовская страховка. И она не менее надёжна, чем страхование верёвкой. Столбист знает все трудные участки хода, знает, как их можно пройти, и уверен, что ты сможешь их пройти. Иначе бы он тебя с собой не взял. На Столбах проложили и продолжают прокладывать множество ходов (куда можно заходить пешком) и лазов (где приходится иногда повисать и пролазать), причем найти новый ход или лаз считается очень почётным, настолько, что ему даже могут присвоить имя открывателя. Чем столбовские ходы отличаются от спортивных трасс? Ход, как таёжная тропа, да и как сама жизнь, всегда приходит куда-то, к полезному или хотя бы красивому – к вершине, к видовке, к избушке, как у нас сейчас. Ход всегда проложен по самому несложному и прямому из возможных маршрутов. Ход утилитарен.

Ходьба по катушке, при всей её видимой лёгкости, по логике движения противоположна привычкам равнинного человека. Катушка гладкая, и по ней очень легко покатиться вниз. Но означает это, что надо не пытаться по ней распластываться и вжиматься в ничтожные выемки – а наоборот, встать как можно ровней, откинуться и тем самым увеличить трение ноги об опору – и двигаться гордо, на равновесии. То же правило и на спуске – не садиться, не тянуться скорее вниз, а встать ровно, ноги держать под собой и далеко не вытягивать – чтоб

придавились к скале и держали. Зато свобода – иди по стене куда хочешь, хоть вверх-вниз, хоть вбок. Свобода на Столбах – правило жизни, девиз, написанный на Втором столбе ещё со времён царизма.

Ну вот, вылезли по катушке под большой округлый камень. Тут уже видны первые признаки стоянки – горизонтально вдоль перегиба скалы натянут страховочный тросик. Держись! Теперь подними голову – с этого камня на противоположный натянут ещё один трос – ходильный. Тот камень называется Акула, и отсюда вполне понятно почему: чётко виден акулий оскал. Местные обитатели часто ходят по тросу. Теперь, после подъёма по катушке, ты вполне понимаешь, насколько это полезно тренировать на тросе навык равновесия. Но пойдём дальше, за перегиб скалы. Тросик, распёртое в щели между каменными блинами тонкое брёвнышко, а потом и заботливо постеленные

Скала Гриф. Камень Акула

под ноги металлические решётки проводят вдоль отвеса к паре пещер, в которых и проходит жизнь стоянки. Подъём закончен, выше идти не потребуется. Путь на Грифы пройден.

Заходим в первую пещеру, невысокую, так что стоять в ней неудобно, и голову лучше опустить. Зато в пещерке не дует, надёжно и можно перевести дух. В глубину она метра три и в ширину метров пять. Ниже из скалы растёт пара невысоких кедрюшек, а напротив открывается амфитеатр тайги. Тут мы на сцене – тайга смотрит на нас. Но и нам хорошо заметно, как из театральной ложи, что происходит в ней – плач деревьев под ветром, потрески в мороз, шорохи в тихую ночь... Если совсем тихо, и если прислушаться, можно услышать серебряное журчание протекающего под скалой ручья – там колодец, оттуда в избу поднимают воду – потом посмотрим, как. Кстати, от самой избы ручья не слышно, там перегиб скалы. В первой пещере была оборудована первая стоянка компании Грифы, ещё в 1961 году, и называлась она тогда Альтаир. Откуда мы это узнали? На скале над пещеркой надписано. В этой пещере были нары для сна, стенка из тонких бревнышек и маленькая печка у входа, а труба выходила чуть выше на скалу, чтоб не задымлять землянку. Хотя вокруг не земля, а скала, так что вернее сказать «скалянку». Или стоянку. Стоянкой избу называют в документах заповедника, то есть, извините, нацпарка. Ладно, отдышались, пора идти дальше, в избу. Но куда? Впереди отвесная скала. И вот тут нас ждёт страшное – бревно.

Между пещерами скалы Грифы находится 40-метровый отвес до самой земли. В восточной мифологии всё, связанное с четвёркой, символизирует погибель, а в узусе высоты это понятие значимо. И водка известно сколько градусов весит... Так что и отвес здесь такой не случайно, и всё это место со смыслом. Сверху отвес прикрыт скальным козырьком от самой

вершины бурого цвета, потому что скала поросла лишайником. А сам отвес чистый, ярко-оранжевый гранит, поскольку на такой крутизне даже лишайники удержаться не могут. Зато под козырьком всегда сухо.

Чтобы преодолеть отвес между пещерами, и было придумано положить на него бревно. Идея не оригинальная – в прежние времена на Столбы даже лестницы из брёвен клали, до самой вершины, и с перилами. Но в те времена у изб были враги – лесники заповедника, нередко их сжигавшие, а столбистов гонявшие как нарушающих заповедный режим (в наше время его называют экологическим или санитарно-эпидемическим, и гоняют людей, по лености своей, прямо в городе). И вот, чтобы не пускать незваных гостей, хозяева избы придумали это бревно убирать. Осмотрите конструкцию – подвешенное на цепях, ровно обтёсанное, с засечками по ходовой стороне, чтоб ноги не скользили, с прикреплённой к цепям сверху, где держаться руками, страховочной лентой. Перед уходом хозяева эту конструкцию отцепляют и затягивают к избе. Проход убран. Ворота замка подняты, во рву журчит ручей. Флаги на башнях (кстати, красные флаги висят над всеми крупнейшими Столбами, в том числе и над расположенной рядом скалой Крепость, и вывешивают их как раз столбисты). В других избах вопрос решают скучнее – ставни на окна, на двери замок. На все Столбы была только одна такая же изба, дверь в которую не запирали из того принципа, что гостям тут всегда рады – Ковчег. И ту кто-то неизвестный спалил пару лет назад, и компания её восстанавливать не стала. Не птицей оказались, не фениксом.

Бревно выполняет разграничительную функцию «свой-чужой» не только когда висит и позволяет прошедшим испытание гордиться только что одолённым ими страхом (у этого чувства есть и изнаночная сторона – иногда гости долго не

решаются идти обратно и засиживаются сверх планируемого, а то и даже сверх приличия; так что рады ли хозяева такому эффекту бревна, вопрос неоднозначный. Например, кто-то из гостей, не желая лишний раз проходить в туалет – а о нём мы ещё поговорим, он, конечно, снаружи – могут сдерживать себя в питании, что, наверное, во благо и им, и хозяевам, и продуктовому ларю избы). Когда бревно убрано, хороший скалолаз всё равно сможет подняться к избе – а хозяева, сами скалолазы и альпинисты, хорошим скалолазам всегда рады, и изба для них всегда открыта. Были случаи, приходили скалолазы через верхушку скалы (там даже спелеологическая лесенка навешана) или через обратную сторону Столба, через так называемую «помойку», место, судя по названию, малопочтенное, но поскольку подъём по нему также довольно сложен, уважение к одолевшим его гостям всё же проявляют. Но в целом скалу оценивают как малоприступную. Вот как одолел головоломку попасть на избу не через бревно альпинист-чемпион России и Кёнигсбергский, Краснодарский и Красноярский сорвиголова Евгений Дмитриенко, наверное, поэтому прозванный столбистами также на букву «К» – Жекой Камикадзе: «Было время, когда ходил по избам на Столбах и знакомился с людьми и обычаями избачей. Грифы – самая дальняя изба. И самая недоступная. Было интересно найти проход достаточно безопасный без специального ключа для навешивания прохода к избе. Вначале сверху посмотрел варианты. Проходимые, но трудные. Потом стал присматриваться к подходам снизу. Верхняя часть над лебёдкой была почищена и смотрелась лёгкой. Низ возможным, но не таким лёгким. Повесили верхнюю страховку и попробовали. По-моему, Лёха Амосов был. А больше подробностей и не помню. Даже как вылезли».

Если по бревну вам идти всё-таки страшновато, хозяева выдадут страховочную верёвку. Становись на бревно бочком, ноги ставь поперёк, руками держись за ленту и приставными

шагами проходи эти четыре метра над пропастью. Можно и вниз посмотреть – там под ногами колышатся верхушки елей и чертит ленточку ручеёк, и вперёд – там как раз открывается вид на избу, и удобно устроились уже одолевшие бревно товарищи, по-папарацки фотая наше довольно выразительное сейчас лицо. Делаем крайний шаг, затопываем на площадку с уклоном к избе – так что если и покатымся, то прямо к порогу – и наконец отпускаем перильную ленту. Страховку с пояса отвязывают: «Перила свободны. Страховка готова. Следующий пошёл!»

И вот мы ступаем в грифовскую пещеру. Собственно, это не пещера, а щель между огромным вершинным камнем и основной частью скалы, в глубине она сужается, и благодаря нависающему камню почти безветренна и всегда сухая: даже снега сюда залетает немного. Изба на самом деле, скорее, землянка: состоит из трёх бревенчатых стенок, а крышей, полом и дальней стенкой в ней служит скала. Слева в скалу забито крепление для бревна и перил, ниже в камень вделан металлический кругляшок с дыркой посередине – копилка для монет, а внутри скалы выдолблена для них полость. Эта копилка сделана в конце 1960-х, когда деньги были большими, и монеты предполагалось собирать для хозяйственных нужд. Но уже в 1971 году не вытерпели, разбили её, долго оттирали монеты от ржавчины, и купили на нары в избу вместо матрасов поролоновое покрытие, и оно лет десять прослужило, перинной мягкостью своей возбуждая зависть всех окрестных компаний. Но покрытие оказалось неустойчивым к холодам и сырости, и впоследствии его заменили обычными пледами. А копилку с тех пор, наученные ошибкой, не вскрывают.

Выше копилки к скальному потолку подвешен колокол – по официальной версии, привезённая кем-то из альпинистов тибетская музыкальная чаша (пока секретчики до этого текста

не добрались, признаемся, что это головной обтекатель метеоракеты из титана производства завода Красмаш) – с шариком-языком, издающая даже при случайном и лёгком касании долгий нутряной переливчатый малиновый звон. Если ночью, в тумане, в дождь или снегопад идущие по тропе от Манской Бабы и дружественной (а других тут и не бывает) избы Эдельвейс заблудятся, от избы им звонят в этот колокол.

Дальше вдоль скальной стены проходит длинная полка, на которой сложено множество интересных вещей: тут и верёвки, и шинели (а шинели очень популярны на Столбах, поскольку тёплые и непродуваемые, позволяют с удобством стоять на ветру или лежать при желании в снегу и придают носящему ощущение лица к-структурам-причастного), и мечта рокера – ботинки-трикони с железными зубьями в подошве для ходьбы по скале любой степени заснеженности, и аптечка в железном ящике, и устройство для отлития свечей (да, освещение здесь свечное – воск от отгоревших свечей собирают, заливают в трубку с фитилем и отливают свечу заново), и горнолыжные ботинки, и много чего ещё интересного. Когда-то в избе даже хранили чей-то бедовый череп, но потом сочли его присутствие слишком мрачным, несмотря на малозубый весёлый оскал, и повесили для острастки у горнолыжной трассы на склоне напротив, откуда он и сгинул.

Дальше начинается стенка избы. Там находится ларь для продовольствия, закрываемый на два тугих крючка – от окрестных бурундуков, мышей и соболя с семейством (соболь на избе всегда один, ибо конкурентов не терпит). Откуда они тут? Вы, наверное, слышали, что горные козлы очень ловко лазают по скалам. Да не только козлы, даже и медведи – хорошие скалолазы. Но для лазания им нужны ровные полочки, на которых эти животные с очень большой ловкостью умащаются. Мыши, соболи и другие мелкие животные лазают по-другому. Они

цепляются за мелкие выступы коготками и поэтому могут забраться даже по отвесной стене. Грифы как раз стоят на отвесных стенах, поэтому козлы сюда не залезут, а мыши – легко. Имейте это в виду!

Ближе ларя висит зеркало, затем расположена дверь избы. Рядом на огромной скобе подвешены карабины, пояса, кушаки. Кушак – это отрез прочной ленты длиной метра два, с завязанными узлом концами, который очень удобно обёртывается вокруг пояса. В нужный момент он может послужить и страховкой, и носилками для раненого, и стропой для переноски бревна: оборачивают это бревно кушаком, подлазят, чтоб оно легло на спину, а концы кушака, как лямки рюкзака, перекидывают через плечи и несут свою ношу хоть по тропам, хоть даже и по крошечной тайге. Тут же висят страховочные верёвки для ходьбы по тросу. Над дверью в избу для охраны укреплена рогатая бычья голова из чугуна. Как-то раз Илья Молтянский, горнолыжный тренер во втором поколении, психолог, педагог и силач, решил на её рогах поподтягиваться на скорость. А голова решила, что он с ней пободаться собрался, слетела с крепления и боднула его в ответ. Пришлось ему с разбитой головой по тайге домой брести. Вообще, в избе для таких случаев есть аптечка и носилки. И поэтому официально она называется «Поисково-спасательный пункт стоянка Грифы национального парка Столбы». Это очень успокаивает. Как-то девушку со сломанной лодыжкой в город отводили – надели ей горнолыжный ботинок из загашников за избой, вдвоём поддерживали с боков и вели. Шаг – вскрик – таблетка обезболивающего – шаг... Вертолётам МЧС сюда прилетать мачта на верхушке скалы мешает, а дирижабли в красноярском небе слишком быстро покрываются сажей и сливаются (с небом).

Обойдём пока избу снаружи. В обе свободные стены вставлены большие (чтобы лучше видеть окрестную красоту) окна,

под ногами проложена от скольжения металлическая сетка, а от падения со скалы нас защищают провешанные на столбиках цепи. На углу висит градусник, под окном – скамейка. Присядем и немного философически полюбуемся открывающимся видом; заодно и переобуться можно – в избе полно валенок, ботинок, калош на любой размер. Море тайги, к сожалению, уже давно совсем не зелёное – очень много деревьев с пожухлой, ржавого цвета хвоей. Сочетанная работа покорившего нашу тайгу короеда-типографа и залетевших от города вдоль ручья Калтат миазмов промышленности.

За углом избы начинается хоздвор – стоят козлы, колуны, топоры, висят пилы. Вдоль стены сложена поленница, а пара примерно двухметровых брёвнышек прислонены к скале и ждут, пока их распилят (может быть, нас ждут? в отношении хозработ тут царит коммунизм – от каждого по способностям, каждому пополам). Дальше перила упираются в скалу – туда, за поворот скалы, как с кормы корабля, вниз сливают помой; именно поэтому место называется «помойка». Скала внизу отвесная, поросла мхом – нечищенная, но поднимается ступами. Залезать на скалу здесь немного проще, чем с тыльной стороны скалы (как пришли мы), но неспортивно. Обернёмся и посмотрим на избу с этого ракурса – через хоздвор. Видно, как из избы выходит печная труба, загибает коленца и уходит к вершине скалы. Ещё видно лебёдку – именно на ней сюда подняли все эти брёвна и поднимают воду в больших молочных бидонах. Можно подойти поближе и рассмотреть – стрела лебёдки поворотная, прикреплена одним концом к скале, а другим закреплена к вершине скалы цепью, и там же через ролик перекинут трос, наматываемый вручную на барабан лебёдки. У барабана сбоку удобные ручки, а на одной из них – стопорный механизм. Вот и вся премудрость – к концу троса лебёдки цепляют цепь или пустой бидон, опускают вниз. Потом

спускаются со скалы, заполняют бидон водой из колодца или обматывают цепью бревно, поднимаются обратно и затягивают груз наверх. Подняв его, стрелу-лебёдку поворачивают, и груз оказывается висящим над хоздвором, где его осторожно опускают и далее используют по назначению.

Пойдёмте в избу. Порог здесь высокий – собственно, это первый венец избы, сложенный из огромных лиственниц. Зато дверь маленькая и лёгкая. В избе справа печь – предмет гордости хозяев, сложно устроенная и очень экономичная, с прозрачной дверцей, чтоб медитировать на огонь. Далее лавки, на которые, когда уходят из избы, ставят бидон с водой – зимой на полу он замёрзнет, поэтому поставлен на лавку и завернут в одеяло, что твой карапуз. Вода – это ценность, ею не плещи! Тут же ведро с питьевой водой (хотя вся вода здесь чистая, питьевая, но черпать из большого бидона, чтоб выпить одну кружку, просто неудобно). Под лавкой – грязное ведро для помоев. Тут же сложены чумазные от сажи вёдра и чугуны для готовки. Выше, над окнами, по всей окружности стен проходят полочки для бумаг: подаренных гостями книг, интересных журналов (в основном альпинистских, о путешествиях, о потустороннем и прочем заинтересовавшим избачей на данное время), немного газет разной степени свежести и о чём попало. На самом деле это всё растопка для печки, за исключением немногих понравившихся и благодаря этому выживших изданий. Тут же можно полистать рукописный журнал избы – который заполняют при каждом посещении – уже с 1961-го... 60 лет! И старые журналы заботливо хранят и даже каждые десять лет публикуют для памяти. Конечно, журнал ни в коем случае не сожгут, а при несчастье с избой будут спасать как полковое знамя. Можете тоже оставить здесь запись. В другую сторону – над печкой – полка для сушки обуви, сетка для сушки носков и варежек, дальше – полки с ложками, кружками, сахаром, чаем и прочим. Дальше

художественные картины и инсталляции, и начинаются большие спальные нары. Нар тут два яруса, они покрыты мягкими пледами, под головами – подушки и до ночи свёрнутые спальники, вперемешку лежат гитары, балалайки, баяны, трубы... В общем, на нарах поваляться и приятно, и увлекательно. Но если вы не совсем устали, давайте всё же присядем за стол и отведаем чаю. Чаем здесь принято поить гостей сразу же, ведь все они после дальней дороги, и только потом по русскому обычаю баньку топить. Это, конечно, шутка – топить здесь негде, в ведре же не утонешь. Стол в избе своеобразный. Одним торцом он прикреплён на шарнире к стене, другим подвешен на цепи к потолку. Так что при необходимости стол можно легко убрать. Если же нужно удлинить его, практически до дальней стены избушки, ещё одна подвесная секция дожидается на улице. Сидят за столом с одной стороны на нарах, с другой – на длинных скамейках. На цепь очень удобно привешивать налобные фонарики, чтоб всегда были под рукой. На противостоящей входу стенке вешалки для одежды. Вот, собственно, и вся обстановка избы. Площадь её всего около 20 кв. м, а размещаются в лучшую пору человек по 50. Но обустройство в избе не главное: недаром же самое большое в ней – это окна, чтобы обозревать окрестности.

Всё это хорошо, но как в избе решается вопрос с туалетом? Ведь кругом скала, открытая всем глазам? Да, в туалет придётся пройтись обратно. Помните первую катушку, с тросами? Вот если пройти, держась за тросик, не вправо к избе, а за перегиб скалы влево, увидите удобную полочку, на которой на цепи прицеплена серебристая алюминиевая бадья с крышкой. Это малый туалет. Конечно, открытый ветрам, но всё же место достаточной укромности. И бежать не так уж далеко. А в большой туалет придётся спуститься до земли, и даже немного ниже прямо по склону. Видите, остроконечная крыша? Это строение

капитальное, снабжено дверью, ступеньками, туалетной бумагой, а иногда даже глянцевыми (иные тут не выживают) журналами.

Ну да ладно, ограничимся пока малым туалетом. Когда полегчает, давайте вернёмся по катушке к этой перемышке напротив Акулы и оглядимся, не спеша, вокруг. Со стороны избы – вечнозелёный амфитеатр тайги, слева – коричневая стена скалы Крепость, состоящая из нескольких бастioned, с рыжими чисто скальными отвесами и поросшими мхом фигурами – там и дворцовые залы с колоннами, и корабли, и всё, что вам увидится ещё... Дальше таёжный простор, и вдали видна скала Дикий камень, за которой только небо – и это небо города: днём тёмное от смога, а ночью светится заревом. Оттуда долетает сотовая связь, и Интернет иногда ловится, а больше нигде в окрестностях, только если на вершине Крепости. Можно подключиться к привычной жизни города, связаться с кем хочется, почитать новости... Ваша привычная жизнь вернулась и лежит вся на ладони – в тонкой пластинке электроники. Вся жизнь ужата в маленький экран. А вокруг настоящая тайга, недаром район этот назвали Дикие Столбы: сойки деловито снуют, дятлы типографа приговаривают, сосны на своём буратином наречии на жизнь поскрипывают, ночами волки тоскуют, маралы по весне/осени режут-завлекают. Неужели от такой узости своей жизни перед лицом тайги у вас не набегивают мурашки, и не накачивает тоска?

Давайте тут немного постоим, потоскуем? Ветер, конечно, долго не даст задержаться, ещё и прохладно, звёзды вот, пока стоим, поввысыпали. Хорошо, что мы шинели надели, а вы ещё сомневались, зачем? Шаги внизу: кто-то прошёл к Крепости? Нет, сюда поднимается, вон у сосны уже пытит. Из избы звук гитары разносится, от леса отражается, над скалой искры от печки столбом. Самое время спросить: что есть наша жизнь?

Здесь, очищенную от шелухи быта, её особенно хорошо рассматривать: печка, да ведро с едой, да гитара, да свеча. Оно, конечно, так в любой таёжной избушке. Так, да не так! Всё же место здесь возвышенное, опять же, город для контраста подсвечивает невдалеке. А из следов цивилизации разве что самолёт прогудит изредка да спутники поперёк звёзд чертят, для самых глазастых и кому не лень смотреть.

Чем ценен столбовский образ жизни? Скалолазы здесь хорошие – но есть и чемпионистей, певцы голосистые, но не Кобзон, друзья верные – но не все, порой и драки случаются (на центральных Столбах: на Грифах всё же высота сдерживает). А вот собрать эти стороны жизни в одном месте и уместить в один день – чтоб и свободное лазание, и дрова вместе колоть, и дружный ужин под застольную беседу с песнями – вот что не так уж часто встречается. Гармония.

С чего начинается грифовский день? Ночью избушка выстывает – ведь нары настелены в скале (так что, резко поднявшись, немудрено и синяк на макушке набить) – и вот кто-то решительный преодолевает зябкость, встаёт и растапливает печку. Потом все пьют утренний чай. Пока готовится завтрак, можно заняться старинной забавой – лазанием по отвесной на вид катушке с полочки метрах в 10 под избойной пещерой прямо к избе. Спускают перильную верёвку, по ней опускаются на полочку, и на страховке выходят по катушке. Самые ловкие – даже без рук. В мрачные времена застоя от всех требовали пройти по катушке, чтобы «заработать завтрак» – а не прошедших клеймили тунеядцами. После завтрака кто-то (почему-то обычно это тётки – а тётками на Столбах принято называть женщин, ибо голод не тётка, а столбовская женщина заботливая и голодать с ней не придётся – вот и выходит, что она тётка) моет посуду и расставляет её на полочки над столом. Потом день забав – можно сходить подняться на Крепость, сходить полазить куда душа

лежит, походить по тросу от Акулы, сходить в гости на ближние стоянки и избы, зимой покататься в пухлом снегу со стены скалы в лес или на горных лыжах по трассе на склоне напротив скалы, сходить попилить и поднести брёвна на дрова, сходить налить в канистру воды в ручье... Много чего ещё. Если погода не располагает или лень, можно попилить дрова на хоздворе, поднять на лебёдке дрова или воду или что туда привесили шутники, почитать журнал избы, помедитировать, поболтать, попеть... Потом ставят вариться и дожидают обед, а то и сразу ужин – тут нередко, как знали о трапезе, сходятся гости – слегка перекусывают для разгону и извлекают гитару, балалайку, баян, барабан, трубу, пионерский горн, ложки (обеденные, отбивать ритм)...

Сидят, смотря по погоде и настроению, либо в избе, либо «на улице» за столом в пещере под россыпью звёзд. На стол выставляют свечи. Запеваёт сначала обычно лучший певун-гитарист, потом желающие по кругу, а затем любимые песни вытягивают хором. И вот уже лес, весь день как на сцене озвучивавший свои секреты, затаивает дыхание и, словно благодарный зрительный зал, слушает то лихие, то нежные, а то и горькие песни столбистов.

Но иногда, на самых лирических песнях или просто под пронзившее настроение, сцена поворачивается третьей своей стороной – и ты внезапно остро чувствуешь, насколько близко за покатым изгибом скалы таятся недолгий полёт и вечность – а может, и небытие. И что из-за этой незримой границы за тобой смотрят, или не смотрят, но всё же ощущают тебя ушедшие жители стоянки. Столько они отдали этому месту энергии, времени, душевных сил – не могло всё это исчезнуть без следа, а значит, находится здесь: может, разворошивает свежий снежок, а может, играет прожилками нагретого катушкой воздуха. И память, вечный баюн, поднимает в тебе ответную волну тепла. И хочется развернуть время вспять, шагнуть за невидимый

занавес. Но беспрепятственность этого шага лучше всяких слов вылечивает тебя от такого соблазнительного решения и придаёт силы продолжить жить и двигаться, пусть даже и мучительно, дальше.

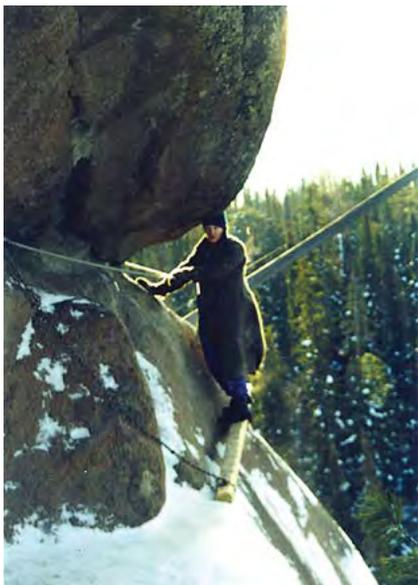
Вечер длится и длится: приходят гости и постояльцы на ночь, кто-то укладывается, кто-то достаёт ещё по одной, кто-то вспоминает истории, забавные или не очень. Наконец, последние оставшиеся за столом тихонько встают, раскладывают между уже спящими свои спальные, гасят последнюю свечу и, недолго поворочавшись, погружаются в сон.

На этом закончим нашу прогулку на Грифы. Мы осмотрели избу, испытали отточенный поколениями быт столбистов, полистали 60-летнюю историю компании, знаем теперь её суть и секреты. Пора домой. Можно будет и вернуться сюда, повторить этот путь, но стоит ли? Ведь жизнь среди этих скал и брёвен отточена до совершенства, и вряд ли, пока нас нет, образует что-нибудь новое.

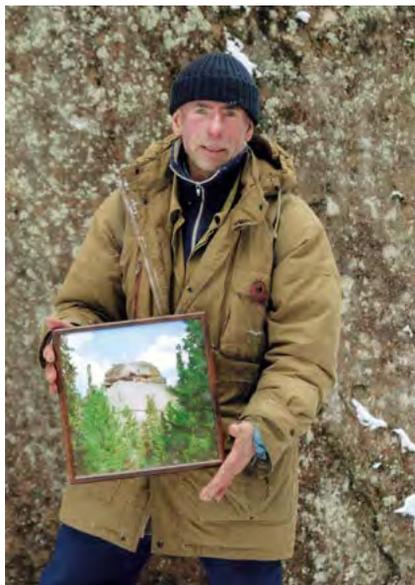
Виталий Деньгин

Грифы, обстановка избы

*Виталий Деньгин на бревне.
Переход в избу. Под ногами 40 метров
отвесной скалы!*

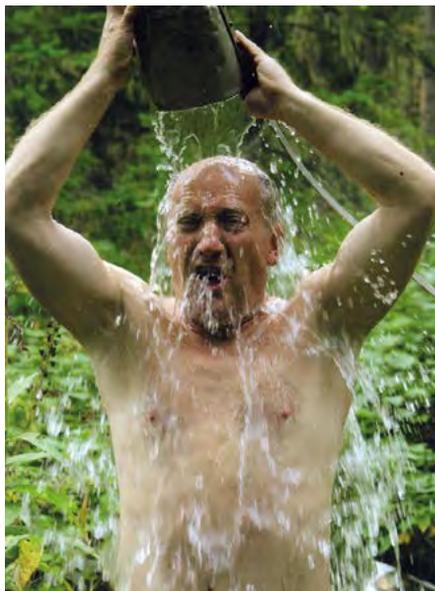
*Виталий Фёдоров с фото Грифов
под Грифами*

*Мухоморы в гостях у Грифов на 50-летие (11.2011 г.).
А также всем известные Олеся Волошко и Шурик Губанов
(был приглашён на чай к английской королеве Елизавете)*

Иисус Христос над купальней

Летом на купальне

Купальня Грифов зимой бодрит!

Купальня на Грифах – святой источник?

После долгого перерыва попал я на Грифы 12 июня 2021 года. Утром, сидя на грифовой скамейке перед избой, стал оглядывать окрестности и вспоминать. Вспомнилась грифовская купальня у родника с сероводородной водой. Родник пробивался через мох и траву, и вода тонко пахла сероводородом. Наш завхоз Виталий Фёдоров, вечная ему память, облагородил родник: сделал сруб, крышку с утеплителем – пенопластом. Соорудил площадку со скамьёй и раздевалкой. Так что в любой мороз можно раздеться, набрать ведро воды и вылить его на себя. При -30° очень взбадривает!

Какой-то верующий прикрепил над купальней позолоченного Иисуса Христа на кресте, укрытого двускатной полированной крышкой. По этому поводу Виталий Фёдоров высказался: «Надо же! Рыли мы колодец для своих нужд. А сюда повалят толпами верующие для исцеления и объявят колодец святым местом!» Тут же было предложено повесить рядом записку, чтобы товарищ, повесивший Христа, убрал его: «Верь, если хочешь, но зачем навязывать веру другим, тем более сотворившим этот колодец?»

Сейчас, правда, туда не ходят, и тропа заросла.

Забыл рукавицы

Как-то по зиме наш главный экстремал Геня Коваленко облился в купальне и прямо в шортах и валенках пошёл на стоянку. Подошёл к подъёму: верёвка заледенела, вся в снегу, а рукавицы он забыл. Тут же нашёл выход – снимает шорты, наматывает на руку, а для другой руки хочет снять плавки. Я ему говорю, что женское население стоянки может его появление воспринять не адекватно, и даю ему мою запасную пару рукавиц. Вылез он на стоянку и решился на эксперимент: сейчас, говорит, надену рубаху и лягу на нары. Если материал натуральный, то согреюсь, а если синтетика, то нет. Ложится в рубахе и через 5 минут начинает стучать зубами: эксперимент удался!

Борщевик жжёт

Летом, в июльскую жару, окатился я водой на грифовской купальне. А из одежды были на мне одни плавки. Возле купальни заросли борщевика, побегал я там, а на другое утро по всему животу вздулись водяные пузыри от ожогов. Надо было мне протереть иголку спиртом и выпустить аккуратно воду из пузырей, а я пошел в больницу. Там мне срезали кожу вокруг пузырей, и я долго потом не мог согнуться, пока не выросла новая кожа.

Избранное из книги Боба

Добавлено несколько рассказов из книги Боба Тронина «Сказание о Столбах и столбистах». У кого нет этой книги – будет неожиданный подарок. Счастливчикам, у которых книга есть, подарком будет всё остальное.

Если кто-нибудь примет участие в переиздании книги Боба, Бог в помощь! Она того стоит!

Эдельвейс

Пожалуй, ни одна из столбовских изб не имеет такую завитую и неоднозначную биографию, как Эдельвейс.

В 70-х годах мы слышали, что около Манской стенки появилась изба с таким названием.

Никто особо не удивлялся. Тогда на Столбах подъём был.

Говорили, что в избу ходят альпинисты из «Труда». Не пьют, тренируются. В избе у них порядок, уютно, даже камин есть. Нам у камина погреться не пришлось. наших знакомых в избе не было. В гости не звали.

Потом на Столбах пошёл разговор, что изба сгорела.

Тогда начали свои очередные бои Абреки. Многие думали, что это их дело. К тому же была стычка до этого между ребятами из избы и Абреками.

Только лет через 16 после узнал я от В. Голубцова (одного из старших в Эдельвейсе), что сожгли первую избу не Абреки.

Один из первого состава избы был выгнан за «хорошее поведение». Тяжело больной, почти перед смертью признался, что сжёг он избу из смешанного чувства мести и пакости. И Абреки тут ни при чём. Они в то время туда дорогу не знали.

Об Эдельвейсе и его коллективе заговорили на Столбах после «Вигвамовского боя» 1972 года и особенно во время и после суда над Абреками.

Возглавлявший коллектив избы Е. Лемешев, его соратники Гурский, Соболев, Банников были в качестве пострадавших. И погибший у Вигвама Ю. Сорокин был также из Эдельвейса.

Ещё не утихли страсти, как остатки коллектива избы возродили ее в виде Бани. Ходили туда небольшими компаниями, часто случайные люди.

Пришлось мне как-то побывать там в гостях по приглашению даже не старых хозяев, а их друзей.

Запомнилась теснота, уют. Плохая печка – значит, холод и дым в избе.

Среди ночи приползали какие-то незнакомые, слегка трезвые молодцы с расхлябанными девицами. Они были немного агрессивны, но веселы. К утру уснули и спали до обеда.

В это время начала набирать силу скальная секция спортклуба «Политехник». Зимой 1972-73 годов мы часто ночевали в снежной избе под Китайской стенкой.

В холодные ночи, конечно, появлялись мысли о своей избе. К тому же наших быстро растущих спортсменов привлекали высокие необлаженные отвесы на Манской стенке. И как-то раз, после холодного лазания на Манской стенке, привёл в эту самую Баню наших политехников всеми уважаемый альпинист В. И. Колотий.

Посмотрели они на эту публику, что ходила туда пить и бездельничать, и решили сами строить себе избу в этом районе недалеко.

В бригаде строителей – Н. Захаров, В. Лебедев, А. Богачев, С. Ченцов, В. Балезин. Скоро к ним присоединился пришедший из армии А. Карлов.

Избу (назвали Теремок) строили не спеша, с любовью.

Остроганные стены, пол из рейки. Тогда им строить ещё не надоело. К тому же никто не мешал. Изба получилась на славу.

Только походить в неё не пришлось. Даже новоселье справить не успели.

В феврале 1976 года сожгли избу обиженные лесники. Вот, сказали, нас не спросили, а строить взялись.

Слегка удивлённые, но не побеждённые, кинулись ребята снова в эдельвейсовскую Баню. Стали бороться с пьянками в избе. Сначала это делали своеобразно. Водку, принесённую хозяевами, выпивали вместе, а сами не носили.

Те возмутились, но воевать не стали. Состоялся серьёзный и очень горячий диспут. Серьёзность его подтверждалась хотя бы тем, что Коля Захаров готовился к нему в библиотеке по трудам классиков марксизма.

Что из трудов классиков связал он со столбовской жизнью, установить сейчас трудно. Но оппоненты были повержены. Добил их и аргумент С. Ченцова. Если они по дурной злобе сожгут избу, то в форточки их квартир залетят бутылки с зажигательной смесью. И они на себе испытают все чувства погорельцев.

После диспута «старики» всё реже появлялись в Бане. И числом поубавились.

Изба становилась спортивной, но не стала просто спортивной базой политехников. Ходили туда не только политехники, но и из «Водников», «Зенита» и просто хорошие люди. Те, кто пришёлся ко двору в избе.

В 1978 году на Столбах к власти пришла администрация Кочановского. А грозная Косинская очень благоволила молодому спортивному коллективу. За хорошее поведение и охрану природы им разрешили построить новую большую избу.

В первое воскресенье декабря 1978 г. состоялось торжественное новоселье.

Стол украшал торт в виде избушки. Спортивная публика в избе никогда не увлекалась спиртным. Но гостям было предложено выпить на любой вкус. На торжестве присутствовали делегации дружественных изб.

Наибольшим числом была представлена Голубка. Все были веселы и милы. Несколько оригинально поздравил хозяев с новосельем наш друг Барс. Он не на шутку разошёлся и расходился. Успокаивал его Нахал такими сильными аргументами, в основном по корпусу, что потом у Барса болело в разных местах. Барса вывели из избы и уговаривали идти домой в Голубку. Он вырвался и «рыбкой» нырнул под нары. Перед этим торопливо сообщил, что он договорился с хозяевами и будет ночевать здесь. Но договор не утвердили. И с помощью хозяев Барса вынули из-под нар. Он неожиданно быстро понёсся домой, почти что по тропе. Когда он подлетел к коряге, что торчала низко над тропой, ему крикнули: «Барс, пригнись!» Он гордо заявил: «Коммунисты не сгибаются». Глухой удар – и Барс под корягой. Крепок был он и его лоб. Встал и сам дошёл до избы. Хоть и был немного обижен, но похвалил Нахала за сильные удары. «Вырастили микрогиганта на свою шею», – сурово заключил он.

И зажил Эдельвейс в редком сочетании суровой спортивности и столбистского веселья. Ветры разрушения, витавшие над Столбами, пока обходили избы стороной.

Были и свои маленькие домашние забавы.

Тяжёлым выдался для Шуры Карлова 1978 год. В том году он попадал под машину, на стройке на него падала доска, на скалах его упустил страховщик. Были и другие неприятности.

Шура с нетерпением ждал, когда кончится этот плохой год, и настанет год хороший. И так он ждал, что, как только дождался, выпил сразу за прошедший и будущий год. И пошёл он в Голубку, скорее всего, в гости. Шедшие за ним находили на тропе его шапку, рукавицы, а потом и тёплые вещи. В лесу стоял дикий мороз. Фактически замерзшего Шуру подобрали друзья из Голубки. Вспомнив описанные в книгах опыты немцев с замороженными людьми, Шуру положили к самой горячей и габаритной женщине – некоей Зузу – и стали наблюдать.

Когда движения рук Шуры относительно женщины стали определенными, решили, что он ожил, и ему ничто не угрожает.

А в остальном в избе умели и тренироваться, и веселиться.

Гости, разными путями попадавшие в избу, вели себя пристойно, с уважением к хозяевам.

Достопочтенный Бурмата несколько раз почтил избу своим присутствием. И здесь он оставил по себе необычные воспоминания. Приходил в избу, был приглашён за стол. Не дожидаясь угощения, доставал свой хлеб, почему-то обгрызенный со всех сторон. К нему была ещё колбаса, тоже не первой свежести. Ему подавали то, что ели все. Он кушал, благодарил, а своё собирал и уносил. Острые языки предполагали, что это для визита в другую избу.

Когда в конце 1979 г. вышел на волю Цыган, иногда приходил в гости один или со своими молодыми подручными Доманцевичем и Угрюмым. Вели себя очень культурно.

Но вот в августе 1983 года вышел у Саши Цыгана конфликт со старыми Абреками. Его сильно побили. Решил он, что пора кое-кого из них отстрелить без лицензии. Откопал он где-то исправную мелкашку. Противники на мушку как-то не попадались. Вечерами было уже холодно. Вот Саня и подогревался, а потом шёл подстергать врага на узкой тропе. В порядке тренировки чуть не подстрелил около избы Изюбры ничего не подозревающего Фросю, который шёл в свою избу. К тому же нёс выпить на долю того же Цыгана. Огорчённый Цыган пошёл затем в Эдельвейс. Там он решил показать, что он ещё и меткий стрелок. Решил выстрелом задуть пламя свечи. А сзади, на беду, стояла банка с вареньем, которое к тому же забродило. Раздался громкий взрыв, варенье по всей избе разлетелось. Снайпер слегка сконфузился. У него возмущённые хозяева, вернее, хозяйка, ружье отобрала. Затем извинился Цыган, избу прибрали, инцидент улажен. Цыган с оружием ушёл.

Финал был неожиданным, особенно для Цыгана. Ему позвонили домой. Предложили винтовку почистить, разобрать. Затем отвезти и сдать её добровольно в серое здание на Маркса. С той стороны, где кинотеатр «Луч». Товарищи чекисты тоже в меру сил помогают охранять природу. И им тоже неприятно слышать ночные выстрелы, которые уже давно не звучали на Столбах. Цыган оружие сдал. Ему погрозили пальцем. И гулял он на воле ещё целый год. Зашагал он в «угрюмом строю» осенью 1984 года. Но об этом в другой раз. Там временем над Эдельвейсом сгущались тучи. Новая администрация всё круче «заворачивала гайки» на Столбах. Механизм разрушения столбизма уже нельзя было остановить.

После нескольких конфликтов в 1984 году сожгли лесники эту солнечную двухэтажную красавицу-избу. Снова пришлось складывать старую баню. Сложили, ходили, ждали, когда утихнут страсти. Надеялись на лучшие времена. Ждать стало невозможно. В октябре 1986 года вырос на старом пепелище картиночка-коттеджик из домашнего бетона с фасадом из жёлтых кирпичей. Увидели его лесники с вертолётa. Затошнило их от этого великолепия. Пришлось им, родимым, побегать по кабинетам разных властей, наговорить всяких страхов о грозных врагах-столбистах. Уговорили, получили взвод солдат ВВ. Не с автоматами, а с ломami и лопатами пришли служивые в лес. Чётко выполнили они приказ. Верили лесникам, что уничтожат притон тёмного элемента. Грохнули ломы и кувалды. Не стало домика в декабре 1986 года.

Чтобы совсем не сладкой была жизнь столбиста, вынесли «атаману» Воле Лебедеву и его близким соратникам штраф по 50 рублей. Вот так-то!

После долгих мытарств по начальству разрешили высочайшей милостью поставить у пепелища палатку с печкой. Чтобы меньше поддувало и мочило, обложили её по низу листьями жести от крыши старой избы. Получился феномен

столбовской архитектуры – бронированная палатка. Сначала терпимо, а зимой... Тесно, холодно и плохо.

И снова зачесались руки у работников лопаты и топора. За несколько последних дней 1987 года вырос бетонно-кирпичный домик. Сначала стены его покрывали картоном из ящиков. Вот проходят годы, а он пока ещё стоит. Обустраивается понемногу. Сделали красивый тёплый чердак. Обшили часть стен рейкой. И вообще, в Эдельвейсе хорошо. И люди там хорошие. На скалах выступают. Иногда награды выигрывают.

А Захаров и Лебедев дорогу в Гималаи узнали. Сначала на Чо-Ойю им не повезло. И на вершину не взошли. И соотечественник на восхождении погиб. Но вот в мае 1992 г. Н. Захаров с четырьмя красноярцами взошёл на вершину Дхаулагири.

Осенью 1991 года праздновал Эдельвейс 13 лет своей первой избы. Было много гостей. Ярко горела китайская лампа, что привёз Вова Лебедев из Непала. Были воспоминания, песни. Пришли даже те, кто редко ходит или отошёл от скал и гор.

Но были в избе и дети тех, кто ещё и сам не ушёл от гор и спорта. Пойдут ли они в горы за родителями, полезут ли на скалы? Время покажет, выбор сделают сами.

Нам только осталось пожелать, чтобы всегда приветливо светили для нас со скального бастиона огни Эдельвейса. И чтобы рады нам были в избе старые и новые друзья. И чтобы мы всегда с радостью заходили в избу для встреч с ними.

Полёт к обеду

Этот рассказ услышал я в свой первый, 1960 год на Столбах. Хотите верить, хотите нет. Но столбовская жизнь тех лет избражена точно.

На скалу Дед ходов немного. Самый простой – Хомутик. По нему и сейчас лезет большинство. Сзади Шалыгинским ходом и тогда, и сейчас мало лазят.

Вот под обратной стороной Деда устроила какая-то компания стоянку. Костёр горит, в котелке что-то булькает. Все сидят вокруг. Ждут, когда сварится. Вдруг сверху шорох, потом крик, шмяк! И в костёр падает парень. Головешки разлетелись, а ногой он в кипящее ведро попал. Вскочил, головешку схватил и кинулся бить тех, у костра, машет и орёт:

– Гады! Нашли место! Не убьёшься, так ошпаришься! Вон отсюда!

А сам ободранный в кровь. Потом ему плохо стало. Упал, сердечный, унесли его. Говорят, он выжил. Не раз его потом на Столбах видели. А на том месте никто больше стоянку не делал и костров не жёг.

3 марта 1992 г.

Буйная ночь Барса

В феврале 1980 года я повёел в гости на Столбы своих сослуживцев по институту Сашу и Свету – почти молодожёнов. Заранее договорились с хозяевами избы Голубки о том, что будем ночевать у них. Тем более что народ из избы ушёл домой. Остался из хозяев один Миша. Он предложил нам с дороги отдохнуть и выпить по чашке чая. Ближе к вечеру Света под руководством заботливого хозяина приготовила ужин. Мы же с Сашей напилили и накололи дров столько, чтобы хватило на вечер и утро. Света не только приготовила ужин. Она навела порядок в избушке, украсив полки и шкафчик красивыми белыми салфетками из бумаги, которые сама вырезала. На стол, застеленный белой бумагой, были поставлены приличный ужин и запотевшая бутылка «Охотничьей», что стояла до поры в снегу.

Перед первым тостом я рассказал гостям старую столбовскую примету. Как только в избе или на стоянке произносятся первый тост, появляются гости, чаще всего незваные. И вся-

кие случаи потом происходят... И не успел я закончить, как раздался глухой стук, дверь отлетела, послышался громкий рёв, и с клубами пара в избу ввалилось что-то бесформенное, покрытое снегом.

Туман рассеялся. На полу на четвереньках стоял один из хозяев избы Голубки – Андрюша по кличке Барс. Одно стекло его очков было выбито, другое в инее и трещинах. На лице кровавые царапины, сам весь в снегу. Сзади у брюк был вырван большой кусок, он промёрз и болтался, как люк подбитого танка. Таким Барса я никогда не видел. Вместо приветствия Андрюша выдал многоэтажную серию матов. Уже это говорило о том, что он ещё в форме и кое-что может. «Здравствуй, Андрюша, – говорю ему. – Кто это тебя?» «Меня никто так не может. Это я сам», – ответил он. Мы помогли ему переодеться и пригласили к столу. После первой рюмки Барс успокоился и рассказал всё по порядку.

Барс

Из избы шли все вместе. От Хитрого пня катились вниз по снегу кто на чём. Барс тоже покатился, но не вырулил на повороте и врезался в пень. Он сильно ударился, потерял на время память. Лежит Барс и думает, а не убится ли он совсем и уж не на том ли свете, и вдруг слышит: какие-то непонятные голоса звучат. Думает, вот и ангелы подходят, унести, наверное, хотят, но тут он почувствовал знакомый запах водки, да и матеряются они по-нашему. Это же Абреки! Подняли, отряхнули. «Как

же ты так, Андрюша?» – спрашивают. «Да вот не повезло». «Пойдем с нами в Искровку, мы тебя полечим». Пришли в Искровку. Там был народ, среди них Дуська. У Барса с Дуськой отношения непростые – от любви до неприязни. Тут же поругались. Народу не понравилось. Барс обиделся и ушёл.

Ноги принесли его в Музеянку. Там отмечали день рождения кого-то из старых столбистов. Барса, как знакомого, да ещё из соседней избы, пригласили и угостили. Но настроение у Барса было уже подпорчено, и хозяйева, не дожидаясь конфликта, попросили его из избы, почти вежливо помогли выйти. Обиженный Барс увидел сторожевую вышку у избы. Забрался на неё и решил показать неуважение к хозяевам, проще говоря, помочиться сверху на избу. И снова не повезло Барсу. В самый неподходящий момент он поскользнулся на узкой площадке и полетел вниз. Приземлился, сильно не побился. Вытряхнул снег отовсюду. И подумал, что с него на этот раз приключений хватит.

Крупными зигзагами, как ракета к цели, шёл Андрюша в родную избу. Дошёл и предстал перед нами в таком нестандартном виде... Мы посочувствовали ему, налили ещё, сколько было; успокоившись, все легли спать. Барс лёг с краю, я рядом. Приготовил тазик, зная, что он будет нужен. Сначала всё было спокойно. Все засыпали. Мерно от ветра скрипели сосны за избой. Вдруг Барс начал кричать: «Ты! Чего там ходишь? Ты кто такой?» Резко вскочил, прыгнул в валенки, схватил полено. Выскочил из избы, начал бегать вокруг. Ревел при этом грозно: «Ну где ты?! Где там ходишь? Что там фыркаешь? Иди, убей меня. Ну я-то тебя точно убью». Хорошо ещё, что в это время никто не шёл в избу или мимо по тропе. Мог бы получить поленом неожиданно и за просто так. Мы успокоили Барса. Он попил водички и лёг. Скоро, однако, закричал: «Таз давай!» Ему дали. Потом он уснул.

Проснулся Барс раньше всех. Всё убрал. И только приготовив всё на завтрак, поднял нас. За завтраком он извинился за ночное беспокойство, пригласил приходить в гости. Только заранее договорившись с хозяевами. Мы в институте часто вспоминали этот поход.

Больше побывать в Голубке моим сотрудникам не пришлось. А они всегда передавали привет Андрюше, что я делал с большим удовольствием.

Хромой бродяга

В 70-е во время Октябрьских праздников на Столбах всегда было много народа. Уходили с палатками и в дальние районы.

На Пионерской поляне в верховьях Калтата стояла большая группа с палатками. У костра песни, смех... И вдруг из леса по тропе вышел человек. На костылях, с одной ногой. Такого даже бывалые туристы ещё не видели. От города хорошей ходьбы три часа.

Его пригласили к костру, стали спрашивать, как он сюда попал. Вид у гостя был явно не спортивный. В рваной фуфайке, зековская шапка на голове, небритый. Хриплым голосом бормотал что-то несвязное. Какие-то парни догнали, по дороге на машине подвезли, потом они шли. Обещали дать выпить, а потом бросили. И последний его вопрос всех озадачил: «А далеко до города?» Его накормили, дали выпить. Положили в палатку. Стали советовать, что с ним делать утром.

Из леса к костру с грозным рёвом выбежала толпа незнакомых, спортивного вида молодцев. Кричат: «Где эта сволочь? Где он?!» Их объяснения тоже были неясны. «Убежал, украл, сломал! Бей...» Его вытащили за ногу из палатки. Взметнулся снег. Крики, удары... Хруст то ли костылей, то ли костей. Люди

у костра сперва сидели, смотрели, не зная, что делать. Затем женщины закричали, мужчины кинулись...

Но нападавшие и пострадавший испарились во тьме.

Некоторое время немая сцена.

Потом – дружный хохот. Понял народ, в основном тоже столбовский, что их просто разыграли. Это дело Грифов, решили, больше некому.

Кстати, в роли «хромого» выступал известный в городе альпинист, «Снежный барс», Ю. Сапожников.

Январь 1999 г.

Человек сидел на дереве

В 1962 году строила наша компания на Грифах первую большую избу. Мы с другом Лёней работали на комбайновом заводе. Так получалось, что Лёня уходил с работы раньше и бежал в избу ещё засветло. Я освобождался позже и шёл по темноте с фонариком. И придумал Лёня себе забаву в стиле книжек про индейцев. Где-нибудь перед избой находил он или согнутое над тропой дерево или толстенный сук. Залазил наверх и ждал, когда я пойду. Вот прохожу я под ним. Лёня – молодец килограммов под 90 весом – падает на меня и орёт, как может. А чтобы уж совсем весело было, он берёт туда ракетницу и стреляет из неё, правда, вверх.

И так он сделал два раза. Мне такие встречи в тайге не понравились. Взял я старый туристский топорик, обмотал лезвие старыми тряпками и изолентой. Иду по тропе ночью, свечу фонариком вверх и кричу: «Лёнька, слазь! Прыгнешь – обухом в лоб получишь». Вижу, Лёнька кряхтя слазит.

– Вот уже пошутить нельзя. Скучный ты, однако, человек, – недовольно бурчит он.

НАШИ ГОРЫ

Шавло–64

В июле 1964 года закрыли мы 3-й разряд в альплагере «Актру». До конца смены – неделя, и отправило нас лагерное начальство в виде премии в ущелье Шавло (ну и чтоб в лагере не болтались). Насушили сухарей, набрали продуктов и двинули.

Стартовый вес мужских рюкзаков – 35-40 кило, женских – 20 кило. Поднимались по леднику Большой Актру на перевал Маашей. И был со мной на леднике забавный случай. Перешагнул я трещину во льду, ноги соскользнули, и повис я животом на ледовом гребешке. Рюкзак сполз со спины на шею и голову, и придавил мою верхнюю половину. Пришлось усилием головы и шеи сдвинуть его обратно и встать сначала на карачки, а потом в рост – и дальше...

На перевале Маашей четыре инструктора жарили яичницу в крышке от примуса. Поели, сели на ледорубы и глиссернули по снежному склону вниз за 5 минут. Нас (20 человек) спускали гораздо дольше: навесили 4 верёвки-сороковки, и каждый на схватывающем узле спускался до точки закрепления, вязал узел ниже, отвязывал верхний узел и ехал дальше... Таким Макаром все четыре верёвки! Спустились и пошли по леднику Маашей. Заночевали, утром стали подниматься на Нижне-Шавлинский перевал. В начале спуска в долину Шавло смотрю – Сергей Прусаков пытается удержать от падения камень с полкомода величиной. Камень ушёл вниз. Инструкторша из Барнаула поднырнула под него, он её не задел, но зацепил за рюкзак. И она покатилась вниз. Её тут же поймали, а девчонка высунулась из-за выступа – ей слегка прилетело мелким осколком по щеке...

Спустились до травы и мха. И вот кустик смородины: две веточки чуть выше 30 сантиметров, внизу два-три листика. Ведёшь по веткам сомкнутыми ладонями до половины высоты – ладони, полные спелых ягод, а надо вести до верху, ягоды сыпятся. Вспомнил, что где-то читал про ботаника, который ещё до войны 41-45 годов искал на Алтае устойчивую к болезням высокоурожайную смородину. И нашёл её. А на её основе было выведено несколько сортов садовой смородины. Ниже в зоне леса началась жимолость. Ягоды по 6 штук в кисти, длиной каждая 2,5-3 см – 3 щипка, и ладонь полная...

Жили мы в Шавло два дня. Ходили на верхние озера, катались на плоту-салике по нижнему озеру, развлекались, как могли! И вот собрались и пошли по предгорью обратно. Иду, и как-то неудобно под рюкзаком. На обед остановились на большой черничной поляне. Все кинулись пастись. А я стал перебирать рюкзак и вытащил оттуда булжжик кило на 5, который мне давил спину. Стою с поднятым камнем, как Матросов с гранатой, чтобы запустить в шутника, но он так и не отозвался...

Ночевали на берегу реки Маашей. Утром я дежурил, вскипятил пятилитровую кастрюлю воды и бросил туда 5 бульонных кубиков. Больше ничего не было. Остатки сухарей раздали женщинам, тем и позавтракали. Кастрюлю с оставшимся бульоном я потащил с собой. К обеду подошли к алтайской юрте. Алтайка накормила нас лепёшками, а мы ей для детишек дали полтора кило конфет – все, что было...

Дошли до озера Джангизголь. Вчера оттуда в лагерь ушёл отряд значкистов. Кинулись по кустам: кто вилок капусты нашёл, кто кучу каши варёной – ну и так далее. Заварили всё это, взбодрились и вышли к перевалке. Оттуда 10 км вверх по реке Актру до лагеря. Пришли в потёмках.

Шавло–2002

В июле 2002 года поехали мы группой более 20 человек на Алтай, на озеро Шавло. Из Красноярска – в Новосибирск, там целый день ждали поезда в Бийск. Время даром не теряли: докупали недостающие продукты на рынках. Отделение А. Д. Казакова на Южном рынке купило дешёвую тушёнку с соевым мясом (как выяснилось при варке), а мудрый Лапоть, руководитель экспедиции, нашёл сало домашней засолки и хранил его в заранее припасённой холщёвой тряпице. Купались на пляже за мостом, посетили музей, в котором были два зала с картинами Николая Рериха и его сына, с Гималаями! В этих залах сидели рерихнутые товарищи и потихоньку медитировали...

Вечером поезд в Бийск, утром сели в ГАЗ-66 с шофёром Костей и в ПАЗик, и по Чуйскому тракту поехали до Чибита. Там загрузились в ГАЗ-66 и по горной дороге поехали в сторону озера Шавло. Конечная точка автодороги для ГАЗ-66 – озеро Ештык-Коль. По пути к озеру наш ГАЗик поехал по объездной дороге, а мы пошли по прямой тропе. В какой-то момент открылся вид на ледник Маашей, и я был удивлён – насколько он сократился за почти 46 лет (с 1964 года). Вот оно, глобальное потепление!

По пути к Ештык-Колью крепко засели, но выбрались всего минут за 40: чётко сработало отделение В. А. Сисько под названием Синяки. Они были в синих майках с брендом пивной фирмы «Балтика». Костя-шофёр был доволен: по его словам, он вёз каких-то москвичей, и в похожей ситуации они ковырялись 3 часа...

Ночевали, наутро нагрузились и двинули на Шавло. От Ештык-Коля до Шавло около восьми ходовых часов с грузом. Норма на человека – 10 кг общественного груза: продукты, альпснаряжение и т. д. Я, чтоб не мелочиться, взял ящик

Озеро Шавло – жемчужина Алтая

Ущелье Шавло. Вершина Красавица

Вернисаж: картины сушатся (Шавло, 2002 г.)

Колокол гор. Творение В. Ф. Янова (Шавло, 2002 г.)

сгущёнки брутто 23 кг, а Л. Д. Суворкина набрала 35 кг (железная леди!)! Но меня оставили сторожить лагерь, и я целый день загорал, и конечно обгорел...

На следующий день пошёл. Видел по пути наших рисующих художников, дошёл до впадения реки Шавлы в Катунь, и шёл вверх по Шавле до темноты. Вокруг были заросли курильского чая, цветущего жёлтыми цветами, и другая буйная растительность. К вечеру стало невмоготу: болели обожжённые плечи под рюкзаком. Поставил его на камень и пошёл дальше налегке. Минут через 10-15 вышел к двум палаткам у тропы. В одной – Серёга Ацута. В котелке на костре – каша для меня. Во второй палатке – спальник. Поел, уснул. Утром пришёл народ с озера за заброской, разбудили нас. Я сбегал за рюкзаком и поднялся на озеро в базовый лагерь. Там сразу же включился в лагерную жизнь.

С московским альпинистом Вячеславом Онищенко. В связке с Мишей Хергиани совершал восхождение на стену Су-Альто в итальянских Альпах. Камнем перебило верёвку, Миша погиб. Вячеслава сняли со стены спасатели

Крепкие ребята художники!

Было в нашей компании трое художников, приглашённых В. Ф. Яновым: Петрович Шевцов (Шева), Петрович Белинский и Володя Фёдоров из Дивногорска. Здоровые ребята! Кроме личных вещей и общественного груза (минимум 10 кг), они тащили этюдники, краски, холсты и прочее. Шли они автономно: останавливались в красивых местах и рисовали. А потом на озере Шавло устроили вернисаж: натянули верёвки, развесили картины для просушки и просмотра.

А Виталий Фёдорович Янов с помощью товарищей врыл в землю приличный чурбан и вырезал из него, видимо, местное божество, которое кормил «хлебом-солью». Этот деревянный бог должен был нам дать хорошую погоду.

Но самой глобальной идеей Виталия Фёдоровича был «Колокол Гор»! Посвящался он альпинистам XX века! Изготовить его надо было из ледяных глыб, которые были вырублены в леднике и доставлены на стройплощадку группой товарищей. Первый колокол был сделан Виталием на Кодаре в 50-градусные морозы. Второй – на озере Шавло. Далее по замыслу – Тянь-Шань, Памир, Гималаи.

И колокол был установлен! Но под жарким солнцем он быстро растаял. Осталось несколько фото, кадры из снятого фильма и рисунок Виталия, где рядом с колоколом стоит он с Сергеем Михайловичем Прусаковым – два мастера-альпиниста.

Рисовал В. Ф. Янов

Фотоохота на грифов

В июне 1975 года были мы в Фанских горах, в альплагере Ар-туч. Из лагеря почти сразу поднялись на Куликолонские озёра, стали лагерем у верхнего озера. Прошли цикл скальных и ледовых занятий, работу со снаряжением. Восходили на окрестные вершины, а в лагерь спускались за продуктами. Из красноярцев было 6 участников и 7 инструкторов. По вечерам пели песни. Гитаристы были Сергей Баякин из избы Голубка и Юзеф Курмачёв, инструктор моего отделения. Так что не скучали...

И как-то в день отдыха, ближе к вечеру, увидели мы на тропе к перевалу Алаудин парочку грифов. Они сидели и долбили клювами дохлого барана, которого сами же и притащили. Сначала толпа человек 15 смотрела на них в бинокль, потом решили устроить фотосессию с грифами, захватили фотоаппараты и ползком, чтобы не спугнуть, стали подкрадываться на дистанцию фотосъёмки. Молча ползём, и остаётся немного. Уже невооружённым глазом видны подробности – голые грязные шеи, торчащие одиночные перья, и всё остальное – вид довольно отвратный.

И тут вылезает на самое видное место раздолбай из Волгограда и спрашивает: «А что тут у вас?» То ли он спал в палатке и проснулся от внезапной тишины, то ли что ещё – неясно. Только грифам это не понравилось, подхватили они своего барана и подались в сторону перевала Алаудин. Мы были возмущены, но не успели рта раскрыть, как инструктор-москвич, подползавший к грифам с нами, выдал матерную речь на несколько минут, да так складно, что мы заслушались и чуть не стали ему аплодировать.

ЮБИЛИЗМЫ

К 50-летию грифов

50 лет назад – 7 ноября 1961 года – студенты машиностроительного техникума Николай Молтянский, два Владимира – Тронин и Деньгин – и Геннадий Злотников вместе со своими друзьями закончили строительство первой избы в небольшой пещере на скале, неподалёку от массива Крепость в диком районе заповедника Столбы. Этот день компания постановила считать датой рождения новой столбовской избы, которую решили назвать Грифы. Это имя – Грифы – так прижилось, что постепенно перешло и на скалу, и на саму компанию, именовавшуюся прежде Альгаир.

Первая «изба», состоявшая из одной бревенчатой стены, которая защищала малую пещеру от ветра, холода и снега, вскоре сгорела, и ровно через год, 7 ноября 1962 года, в соседней большой пещере, служившей раньше кухней, была достроена и официально открыта уже настоящая большая изба, смотревшаяся снизу как орлиное гнездо. Вторая изба простояла чуть больше половины года и была сожжена лесниками в апреле 1963 года. Впоследствии избы горели ещё не раз, но грифовцы вновь и вновь отстраивали своё гнездо под вершиной скалы. С таким же упорством осваивались грифовцами и вершины пяти видов спорта: скалолазания, альпинизма, спелеологии, горнолыжного и дельтапланеризма.

С самого начала Грифы выбрали строго спортивное направление. Идейные вдохновители компании в начале 60-х годов XX столетия Н. Ф. Молтянский и Л. Т. Петренко даже называли стоянку «Альплагерь Грифы». Круглый год все грифовцы лазали по скалам: и «свободным» лазаньем, и с крючьями,

спускались в пещеры, осваивали азы горнолыжной техники, а летом большинство из них разъезжалось по альплагерям Советского Союза.

Конечно, в компанию всегда входили не только спортсмены, но и просто «отдыхающие», как их называли «корифеи», ведь место стоянки было выбрано на редкость удачно, удивительной красоты, спокойствия и величия тайга окружала гордую скалу с маленьким домиком наверху, и каждый, побывавший хоть раз на сказочной стоянке, несмотря на труднодоступность и опасность, стремился попасть туда вновь и вновь.

В 1964 году в компанию влилась большая группа студентов втуза (нынешнего аэрокосмического университета). Вместе с первыми грифовцами они и составили костяк компании.

В 60–80-х годах представители первого поколения Грифов принимали участие во многих крупных соревнованиях разного масштаба и в разных видах спорта, но основным увлечением столбистов были, конечно, скалолазание и альпинизм. Наиболее выдающихся результатов добились наши славные мужчины:

Молтянский Николай – неоднократный чемпион и призёр соревнований по скалолазанию (СССР, ВИСПС и России), один из первых мастеров спорта по скалолазанию, к. м. с. по горным лыжам и альпинизму, тренер чемпионов и призёров российских и международных соревнований по горным лыжам.

Дёмин Александр – международный мастер спорта по скалолазанию, победитель первых международных соревнований, многократный чемпион СССР, ВЦСПС, России и др.

Лаптенюк Валерий – мастер спорта по альпинизму, чемпион СССР и России по альпинизму.

Коваленко Геннадий – к. м. с. по альпинизму и дельтапланизму, «Снежный барс», 1-й разряд по скалолазанию, горным лыжам и спелеологии, рекордсмен СССР по длительности

полёта на дельтаплане, чемпион всесоюзных и республиканских соревнований по дельтапланеризму и дельталётному спорту, основатель Восточносибирского дельтапланеризма, инструктор ЦК ДОСААФ по дельтапланерному спорту, создатель серии дельтапланов «Гриф», получивших всесоюзную известность.

Сапожников Юрий – мастер спорта по альпинизму, чемпион СССР и России по альпинизму, «Снежный барс».

Деньгин Владимир – чемпион СССР по спелеологии.

Михеев Анатолий – к. м. с. по дельтапланеризму, чемпион и призёр республиканских соревнований.

Васильев Александр – к. м. с. по альпинизму и скалолазанию, призёр республиканских соревнований.

Из женщин первого поколения Грифов добились успехов в спорте:

Резова Людмила – призёр Абалаковских соревнований, чемпион города 1966 года по скалолазанию.

Прудникова Нина – тренер чемпионов и призёров СССР и России по горным лыжам.

Сапожникова Галина – призёр чемпионатов по скалолазанию.

Из второго поколения Грифов наибольших спортивных успехов добились:

Хвостенко Олег – мастер спорта по альпинизму, к. м. с. по скалолазанию, пятикратный чемпион России по альпинизму, участник многих выдающихся восхождений на высочайшие вершины планеты.

Дёмин Павел – мастер спорта по скалолазанию, неоднократный чемпион Абалаковских и призёр республиканских соревнований.

Дёмин Дмитрий – к. м. с. по скалолазанию.

Дёмина Екатерина – мастер спорта по скалолазанию, чемпионка России 2006 года.

Амосов Алексей – к. м. с. по скалолазанию, 1-й разряд по альпинизму.

Амосов Андрей – мастер спорта по скалолазанию.

Губанова Людмила – мастер спорта по скалолазанию, призёр Кубка России.

Черных Виктор – к. м. с. по скалолазанию.

Здобников Борис – к. м. с. по скалолазанию.

Молтянский Илья – к. м. с. по горным лыжам, чемпион края, призёр республиканских и союзных соревнований.

Молтянский Александр – 1-й разряд по горным лыжам, призёр республиканских соревнований по горным лыжам.

Лаптенюк Павел – к. м. с. по скалолазанию.

Грибачева Галина – мастер спорта по художественной гимнастике.

О любви к спорту на Грифах говорит и тот факт, что 9 членов компании являются тренерами и инструкторами.

Большой вклад внесли грифовцы и в науку, и в другие сферы человеческой деятельности. Среди Грифов три доктора наук, шесть кандидатов технических, химических и медицинских наук. Геннадий Коваленко – автор пяти монографий философской и технической тематики, а также конструктор 30 серий сверхлёгких летательных аппаратов «Гриф». Руководителями строительных компаний являются Ю. Сапожников, Сергей и Иван Молтянские. Выпустили книги о Столбах В. Тронин и В. Деньгин.

Грифы известны на Столбах, кроме всего прочего, и горячей любовью к песне. За 50 лет существования компании перепето огромное количество бардовских, народных, цыганских, битловских и др. песен. Не раз грифовские «спевки» длились в избе до утра. В гостях у Грифов были наши известные барды Юлий Ким и Михаил Щербаков, последний даже посвятил Грифам песню «Стриж».

Как видно из вышесказанного, Грифы – это мастера спорта, тренеры, преподаватели, кандидаты и доктора наук, песенники, жизнелюбы, и нередко всё это – в одном лице. Невозможно и не нужно перечислять другие специальности и достижения членов компании. Главное, что нас всех объединяет – это любовь к нашим Грифам, нашей малой Родине. Хорошо, что и наши дети «заражены» тем же «вирусом», что и их родители. Мы уверены, что когда первое поколение уйдёт, Грифы останутся в надёжных руках.

Как тонкая мелодия,
Живёт во мне она –
Далёкая-далёкая
И снежная страна.

Я с лыжами тяжёлыми
И с рюкзаком большим
Приду туда, где всё равно
Останусь я живым.

Пусть Грифы живут всегда!

*Из книги «Тайны красноярских Столбов.
Полувековое откровение,
полученное на стоянке Грифы»*

Из летописи Грифов (на 40-летие избы)

Дневниковые записи Виталия Фёдорова, вечная ему память! Его своеобразное видение окружающего мира, оригинальный стиль изложения, тонкий юмор – на ваш суд, читатели-столбисты, и не только!

7.11.98. Да, братья, в лучших традициях старого лозунга, что кончается словами: «...нам хлеба не надо – работу давай!», яростным броском трудового подвига закончил наличный состав (≈25 чел.) четыре дня праздника. Насаждали на времянку крышу-кепку. Суровая погода (до -24 °С с ветром) и обстановка трудового праздника не дали провести какие-либо традиционные соревнования; даже демонстрацию пришлось изобразить в японском стиле – рысью, вприскокку. Музыканты отказались на Крепости играть на таком морозе... Праздничный обед... Сдача стоянки под ключ с устранением мелких недостатков в виде отсутствия стекол в рамах и ликвидации поддувания из щелей. И закончился праздник, и наступила зима со всеми своими приятностями (не будем перечислять – *прим. ред.*), что подарит нам она, ибо в тёплой компании любой зимой тепло.

До встречи!

* * *

26.04.92. Братья! Альпинисты, столбисты, баптисты и пр...исты! Несмотря, благодаря и вопреки прожита ещё одна зима нашего весьма беспокойного времени. А хотим ли мы покоя? Даже круглые двоешники знают: абсолютный покой есть смерть. Потому, наверное, и суетится стадо человечье, направляемое, гонимое ли пастырями от Бога, от политики, от кнута-штыка, и исчезают человеки на бегу, яко снежинки,

павшие в весеннюю лужу, не успев насмотреться, налюбоваться, насмеяться, лишь досыта успев наораться от боли, наплакаться, приняв небытие, как счастье, конец страданий... Но не опечалимся же тому, братья, а вспомним хотя бы одну из рубаи грешного старикашки Омара Хайяма:

Когда ты для меня лепил из глины плоть,
Ты знал, что мне страстей не побороть.
Не ты ль тому виной, что жизнь моя греховна?
За что же мне гореть в аду, Господь?!

С Пасхой вас, братья альтруисты!

* * *

30.04.95. Реакция по прочтении журнала «Голубчик»:

Попив чайку, откушав супчик,
Со смехом полистал «Голубчик».
Там, ко всему, отметить мог
Взгляд пристальный, но между ног.
 Так что, бабы, задрав юбки,
 Поспешайте от Голубки!
 Поспешать-то? А куда?!
 Уж не на Грифы ли?! Да!! Да!!
Ведь тут молодцев немало,
И желанье не отпало
Поскакать, как на коне,
Принося приплод стране.
 Ну, заразился старый псих,
 Так и прёт из меня стих,
 Тут молчи, не молчи,
 Раз недержание – мычи.

* * *

Коваленко послушайте лекции –
Просветленье наступит в мозгу,
Станут ясны Вселенной эрекции,
И терзание чакры в снегу.

Ощувив в себе душу нетленную,
Громко флатусом бухнув во мгле,
Вознесетесь в высь офигенную,
Тело бренное бросив в петле.

Почитайте же Гены К. лекции...

* * *

20.07.96.

В. Лаптёнку

Лаптя нашего тревожат
Сотни мыслей и идей,
Основная из которых –
Ты еврей иль иудей?!

Нам какая в этом польза,
Додолбиться не могу?!
Рабинович ты иль Познер?
А мы по уши в снегу.

Лучше прыгай по хитрушкам
Да чеши на пузе мех,
И от этого пребудет
Крепкий сон, здоровый смех.

* * *

13.10.96. Постфактум

В честь приезда Заева из Воронежа съели знаменитый плов. Шеф-повар Васильев, как всегда, не ударил в казан лицом, за что получил по голове прогоревшей печной трубой, пришлось все трубы поменять. Слава богу, всё вовремя.

Последние дни бабьего лета. Ясно, холодно, солнечно. Народа много. Пришли нужные и ненужные, чистые и нечистые, кого ждали и кого нет, превратив стоянку в Ноев ковчег.

В густых сумерках Юлька Болдырева привела на смотрины восемь красавиц из своей очень экспериментальной группы универа. Они впервые в жизни на скалах, но вели себя достойно... Оказалось, они могут играть на всех имеющихся в наличии муз. инструментах и на немзыкальных – типа тазов, ложек и т. д., включая обрывки полиэтиленовых пакетов, при помощи которых, как мы убедились, отлично передаются все соловьиные трели. Они чертовски душевно поют на голоса не обычный для нас разнонародный репертуар и делают это с неподдельным весельем, разливая вокруг радость, как живую воду. Может это факультет Добрых фей?!

* * *

4.07.97. Светская хроника

При большом стечении народа отметили защиту докторской диссертации нашего старого, но оч-чень жизнестойкого члена компании Валеры Лаптёнка. После ряда тостов пришли к выводу:

Поделом нас и ругают,
Будто лаптем щи хлебают.
Но теперь кричим: ура!
Наши Лапти – доктора!

Своеобразно отметила это событие гостья из марафонской секты Людка Побегушница. Она пробежала до ларька Р. Иванова на перевале и назад с пивом до Грифов за 56 минут! Есть рекорд! А доктор спасён...

Дяде Путе 80! Так держать! Во даёт!

* * *

8.08.97. Провинциальная хроника

На центре встретил столбистов Гену Эсса и Поляковского, которые угостили статьей Ферапонтова в Комке за 6 авг. о недавно возникшем на Столбах Жене с Кенигсберга, любимое занятие которого прогуливаться по вантам, перилам высотных зданий, мостов, приводя в ужас прохожих. Теперь он начал освоение Столбов с Призов, Пятен, Мяса, Рояля на Коммунаре, причём в городских туфлях на микропоре! На третьем посещении Столбов, разумно рассудив, что слазить с Коммунара дольше и опаснее, просто спрыгнул с него... Спешите видеть!

Из летописи Грифов (на 45-летие избу)

Для освещения явления Грифы с разных сторон включены дневниковые записи из журнала «Грифам-45», оставленные как членами компании, так и гостями стоянки. Среди посетителей – барды Юлий Ким и Михаил Щербаков, журналист-путешественник Александр Берман, сын писателя Грэма Грина Фрэнсис Грин, скалолаз из США Джонатан Тесенга и многие другие...

28.08.2002. Ну, слава богу, распогодилось! Весь день нет дождя. И закат ничего. Услышаны мои стенания. Я один. На Крепости и вокруг – никого. Только белки грибы мышкуют. И ти-ши-на...

Здесь на Грифах бродят мыши,
Всех достали выше крыши.
Кто же лучший из ловцов?
Ну конечно, Фёдоров!

Если б он стучал в ООН
Не туфлём, а сапогом,
То построить всех бы смог
Предприимчивый Сапог!

Три струны, а пальцев десять.
Виртуозно куролесят.
Никогда он не горюнич.
Безусловно – это Дрюнич!

Ростом мал, совсем не тих,
Для всего найдёт свой стих,

Кладезь он, ну просто гений —
Догадались? Это Деньгин!

Вербеют нехлядно абстрактные дали,
В расклюданных снах мы всё это видали.
И если вздыбается стенка на стенку,
То значит на Грифы пришёл Коваленко.

Визг, веселье, смех вокруг,
В центре он среди подруг,
Всех желает он полапать,
Кучерявый этот Лапоть!

Он не частый гость на Грифах,
Но живёт не только в мифах.
Молодые эхом вторят:
«Молодцом ты, дядя Коля!»

Не урод он, но в Уродах
Заблудился, словно в родах.
Он в горах имел успех!
Наш Хвостенко, наш Олег!

Стих струится серебром,
Грусть настоящая в нём,
Перезвон хрустальный эля —
Это шепчет тётя Нэля.

Байки здесь живут и сказы
Про Столбовские проказы,
Верь не верь, да чтоб я сдох —
С нами всюду Тронин Боб!

Нескончаемы загадки,
Словно ягодные грядки,
Вырастил всё ради стёба
Грифоман по кличке Грёма.

* * *

11.01.2004. День старика

Девять Грифов отметили эту дату. Вовик Деньгин сочиняет стих, а я заполняю паузу цитатой из Генриха Гейне. У этого великого немецкого поэта кроме прекрасных стихов есть замечательная философская проза. Вот отрывок из его «Мыслей, заметок, импровизаций». «Площадь Конкордии (Согласия)». «Хотелось бы знать, прорастет ли зерно, если посеять его на этом месте?» «Примечание. Во время Великой Французской Революции здесь чаще всего устанавливали гильотину».

За проросшие зёрна Согласия!

Дама

Резюме. «Оппортунистов, соглашателей, непротивленцев в расход. Всенепременно в расход. Да-с-с, батенька!..» (В. И. Ленин)

Фёдоров

* * *

8.07.2004. Грядёт ДЕНЬ ДРЮНИЧА! (9 июля). В связи с этим хочется отметить, что Дрюнич – это не только мастер спорта по спортивному скалолазанию, но и знаток Столбов, создатель суперходов безстраховочного лазания, единственный человек, пролезший без страховки трассу Подтёк на Чёрной стенке скалы Позвонок, ценитель живой природы, любитель

брожений по Столбовским тропам и празднований в столбовских избах. Он не просто преподаватель музыкальной школы, но и:

- большой специалист по всем музыкальным вопросам;
- зав. отделением народных инструментов;
- руководитель ансамбля народных инструментов;
- композитор и аранжировщик;
- артист и актёр в фильме про себя («Мелодия одной души»);
- заботливый и ответственный учитель;
- к тому же он любящий муж и отец;
- отличный и верный друг, не забывающий старых друзей.

Так что, Дрюнич, от лица К° Грифы, поздравляю тебя с наступающим днём рож! Будь здоров! От себя хочу сказать, что с каждым годом острее чувствую радость от того, что у меня есть такой родной брат. Чтобы, Дрюнич, тебя не ели мухи, дарю тебе накомарник. Навеки с тобой!

Лепыч

* * *

5 января 2005. Пришли вчера с дивногорцами – Наташа Потехина с сыном и друзьями. Отметили Новый год с ёлкой и пехухами. Всего нас было 13 человек – магическое число. Сегодня снег, солнышко, в общем, погода – на пять!

Е Н. Потехина

Ощущения непередаваемые! Воспоминания незабываемые – на всю оставшуюся жизнь! Восхищаемся инженерным гением создателей Грифов. Вы все сумасшедшие! А я сюда теперь только на лебёдке. Уношу ноги с благодарностью

к тем, кто помог мне выжить на этой чертовой скале! Особые впечатления – о туалете. Никогда ещё в жизни такого не видела и на себе не испытывала! Будьте все здоровы, а я пошла.

Танька из Дивногорска

* * *

5.03.2005. С наступающим 8 Марта поздравляем!

Сделал я приятное ёсикам и пенькам –
Хорошо ли было вам шлёпать по ступенькам?

Виталья очистил для женщин парашу и наладил колуны,
а я для них наточил пилу, всё для Вас, милые!

По поводу:

Хайрам любил своя Байрама,
Водил в мечеть среди недели,
Потом зарезали барана,
Прочли Коран и вместе съели.
Мораль. Любви все возрасты покорны,
Но лучше мясо, чем попкорны.

Рант

Ступеньки очень хороши
Для ёсиков и пенек,
И шлёпались мы от души –
Прекрасней нет ступенек!
Пила ж не дюже хороша –
Сама не пилит ни шиша.

Лена К.

* * *

07.03.2005. Неужели люди летают? В это легко поверить, когда «взлетели» на Грифы и увидели гостеприимных хозяев. Неужели ТАК можно ходить? Только летать!

С любовью, Наталья (гостья – *прим. ред.*)

* * *

07.05.2005. Какое счастье, что я на Грифах!!! Какое счастье, что я на Грифах уже 20 лет!! И особенно сегодня, т. к. я здесь с человеком, который первый привёл меня сюда – с Эдиком Заевым из Воронежа. 20 лет счастья ходить сюда... Это много или мало? Кажется, что это было вчера, т. к. вокруг всё те же молодые лица (вернее, молодые души). Вот сидят напротив:

- Дядя Алик (Рант) – сразу вспоминаю поэму о берёзе;
- Заяц – вечно молодой, обаятельный Заяц;
- Гена Коваленко (Звездочёт) – кто, если не он, объяснил бы нам наше местонахождение между небом и землёй?
- Валера Лаптёнок – вечно поющий и всегда полный жизненной силы и радости;
- Валера Колотий – утренний гость из Эдельвейса, которого все здесь просто любят, т. к. не любить его нельзя.

А вокруг – музыка Леса, гитары, а если назвать всё одним словом – музыка любви! Я вас всех очень, очень люблю!

Олеська

* * *

07.05.2005. Я снова счастлив! Потому что на Грифах среди прекрасных людей и необычной природы. К сожалению, в последнее время это случается редко, но каждый раз, покидая это благословенное место, я оставляю здесь своё сердце и часть души. Я вас люблю и всё время помню. Спасибо всем и за всё!

Э. Заев

* * *

7-8.08.2005. Бытовал на избе с воскресенья по понедельник. Погода – сырь, стынь, серь и пустошь. Вечером наблюдал закат, позолотивший Крепость, а затем – багрянивший полнеба и манивший душу ввысь лестницей перистых облаков. К утру же – небо обложное, промаргивает дождичек, туманы... Повеяло осенью и охолонула душа. Сел читать дневник.

Старики Грифы! Вы – как звёзды фейерверка, блестящие в своем полёте, и каждая – прочь от иных и сама по себе. Вы поёте свои звёздные арии, сменяясь на страницах дневника, как на сцене оперного театра, концерте на День колхозника, но дневник-то от этого превращается в хронику сумасшедшего в период деградации личности! Может быть, взять в обычай, раз, скажем, в месяц устраивать в дневнике дуэты или, на худой конец, театральные рецензии? Мне кажется, моему папе, Бр-2, чуткому, как мало кто, к творческим выделениям других, это было бы сподручно. В конце концов, Грифы ведь санитары леса?

Виталий Деньгин (младший)

Рецензии сумасшедшего на записи сумасшедших?! Предложение настоящего врача. Все при деле!

Санитар Фёдоров

* * *

12.02.2006. После затяжных морозов, из-за которых пропустили даже День старика, наконец-то Грифы «ожили», и на стоянке ночевало 11 человек: Лапти в полном составе (младшие), два Деньгиных, два Лёпыча, Михеич, Саша Васильев и Дама. Очень душевно попели, никакой политики (ура!) и обалденной красоты хрустальный лес при полной луне – классический грифовский набор...

Хочу записать в журнал Грифов стих из журнала Романа Солнцева «День и ночь»:

«Угрюмый Гриф на ледяной вершине
В тоске клюёт алмазную звезду.
А там внизу – в подоблачной долине
В пыли червяк проводит борозду.
Непостижим в кругу простых явлений
Идиотизм изысканных стремлений».

(В. Армишев)

P.S. Мишка весь вечер искал «линию горизонта» – звучало очень поэтично.

Дама

Несколько поразительных цифр:

- высота Грифов над уровнем моря – 600 м (+40 м);
- Идеи – 600 м;
- Крепости – 750 м;
- Ковчега – 650 м;

- Музеянки – 650 м;
- Уродов – 500 м;
- Изюбрей – 670 м.

В. Деньгин (младший)

1.03.2006. Весна. Сверху капает. С лебёдки и со скалы слышал весеннюю песню дятла. Скоро оттаем. «Козёл» (соболь) отогнул проволоку и проник в сервант, нагадил и напачкал. Закрывайте крючки! Или надо делать что-то. Зато нет мышей и ему надо простить.

Т. Нэле (не любящей политику – ред.)

Куда от политики деться,
Политика с нами везде,
В политике надо вертеться,
Как вертятся змеи в гнезде...
Мы любим восходы-закаты,
Мы любим распущенных баб,
С которыми где-то, когда-то
Свела нас судьба в снегопад.
Мы любим весну – за капли,
Мы любим сибирский мороз,
Мы любим, чтоб птицы галдели
И шёпот подружек-берёз.
А вот олигархов не любим,
Что всё за кордоны несут,
Но ждёт их небесная кара
И страшный божественный суд.

Рант А

Хокку, родившиеся во время посещения Грифов:

1. Пришёл я на Грифы впервые,
Глянул вокруг, опершись на перила –
Свобода, блин!
2. Слава строителям этой сакли,
Имя которой Грифы,
Завидую по-белому!
3. Мир скал, мир тайги и неба...
Как удивителен он!
Эх, смотреть бы на это всю жизнь!
4. Две девушки поют ангельскими голосами
У Грифовой избу на закате.
Мурашки по коже...
5. Парни мои и девчонки!
Как остро я люблю вас здесь, на Грифах.
Не зря я старался.

Виталий Палыч Примеров,
руководитель фестиваля

Земной поклон всему, что здесь есть, и всем, кто здесь есть.
Пусть всё, что вокруг вас и в вас самих, остаётся живым и настоящим.

Лена Половинко, Екатеринбург

Из летописи Грифов (на 50-летие избы)

4.11.2006. Стоянке Грифы 45 лет. Пришёл в 14:00. Пасмурно. Тихо. Т -5°. Скала с юга сухая, в тени – снег, лед. 16:00. Потянулся народ. К ужину, с подарочным пловом от А. Васильева и юбилейными тортами от дам, собралось за столом 17 старых членов К° и Миша Лаптёнок. Делегат от молодых членов. По традиции, слово взял Г. Коваленко и держал его до утра. Это не метафора, а факт. Он хорошо говорил до ночи. Говорил среди ночи. Говорил утром...

5.11.2006. ...Неоднократно напоминая о главном. О ниспосланных нам космотайнах, зашифрованных в изображениях руконогих обезьян-гоменидов на плато Наска... и т. д. А когда решил, что сказал совсем всё, опохмелился, взял рюкзак и ушёл. Оставшиеся медленно пытаются прийти в себя. Чтобы как-то ускорить этот процесс, взяли Знамя Мира, пошли и подняли его на мачте Крепости. Под пение Марсельезы:

– Отречёмся от старого мира! Отряхнём его прах с наших ног... – Ну, как всегда. Затем, как всегда, любителям Марсельезы выдал топоры, пилы и на лесоповал. Зима на носу! А дрова? Вот-вот. Утирай обильный пот. Не вздыхай. Помахивай. А тут залетела прямо из Германии, где ума набиралась, энергичная и жизнерадостная Олеся. Поздравила нас от забугорных соплеменников, от объединения столбистов и от себя лично. Вручила роскошный фотокалендарь «Дрезденские столбы». И оттуда же презент В. Деньгину – деньгиново. Рюмку-унитаз!

Фаянсовый, с крышкой и пожеланием, чтоб не иссякало вдохновение. Он опробовал. Прослезился. Обещал не иссякать. Кошмар.

Летописец Фед.

1.11.2008. Вот! Опять пришёл! Точнее прибрёл через снега! По тропе – снег по щиколотку, на скале – местами по колено. Откопал стоянку, варю борщ. Т – 3°, ветерок, снежок.

Лёпыч

Одна хорошенькая молодая девушка из деревни спросила меня, когда узнала, что я собираюсь на Столбы на 4 дня: «Зачем???». Закручивая на переходе первый ключ, я подумал: действительно, идиотская картина. За несколько километров от города, в залепленной снегом тайге, в сумерках на 50-метровой высоте Я ВСОВЫВАЮ БОЛТ В ГАЙКУ!!! Да-а-а-а, подумал я, – извращенец! Улыбнулся сам себе в сумеречной тишине и стал закручивать второй ключ. Всё-таки, думаю, два болта за один вечер – это не так плохо! Есть ещё чувство левой резьбы!

Лёпыч

17.08.2008. Были. В субботу 16.08 зашли в Голубку, поздравили С. Баякина с 55-летием (он в это время спал пьяный), оставив запись в бортжурнале:

Ты был когда-то альпинистом,
Теперь солиден и пузат:
Но нет у нас пути назад –
А потому – вперёд со свистом!
 И мир Столбов тебе не тесен,
 И ждём хороших новых песен!

Пришли на Грифы в 22 часа. Ночью из-за облаков вылезла полная луна, и стало очень светло. Утром на купальне ели малину, ходили по медвежьим тропам (по старой г/л трассе). Под лавкой ведра с НЕкипячёной водой. Ветерок, t +20°; то солнце, то пасмурно. Уходим в 16:30.

Мы (Бр-2, А.)

29.01.2010. Тут в 14:00. Пасмурно. Снежок. Ветерок. Т -16°. Сердечная благодарность подарившему Грифам к Старому Году два новых кухонных ведра. Подарок очень нужный и оч-чень вовремя. Старые-то ведра прохудились. Кстати, о Байкальске. Намедни учёные-единороссы по просьбе трудящихся вывели из списка вредных и опасных производств изготовление целлюлозы, бумаги, картона?! Поэтому Байкальский ЦБК снова запускают на полную мощность. Поздравляю. 30-летней борьбе экологов всего мира за чистоту оз. Байкал большой привет. Об этом нам радостно доложили СМИ на прошедшей неделе. Ура! Снова в России будет самая-самая чистая в мире туалетная бумага. Все в Байкальск!

С миром разумных скорбящий Фёд. А.

Балезину Валерию Викторовичу на юбилей!

Сунем мы в карманчик по бутылочке,
Сделаем торжественные фейсы,
И пойдём к Балезину Валерочке
Юбилей отметить в Эдельвейсе!

Чемпион Валера многоразовый,
На скалу, на гору ловко лезет,
Уложить в рюкзак медали сразу все –
Не поднимет тот рюкзак Балезин!

Любит он сгущёнку Рогачёвскую
Пару банок съест и облизнётся;
В юбилей компанией столбовскою
Пожелать Балезину придётся:

Залезай в пещеру ты солёную,
Чтоб от астмы солью надышаться,
И вернёшься в молодость зелёную,
Бегать по скале и размножаться!

Лаптю – 75!

*На мотив песни
«Заблудились в отрогах
Великаны-Столбы»*

С. Баякин

Мы на базе Райкова
Соберёмся опять;
Нынче повод толковый:
Лаптю – 75!
И Валеру поздравим,
И по полной нальём,
И не раз мы добавим,
И Валере споём!

Всем студентам во втузе
Жизнь была нелегка:
От научного груза
Распухала башка!
Сквозь научные рифы
Ты прокладывал путь;
Убегал ты на Грифы
От наук отдохнуть!

И в своей альма-матер
Ты в науке погряз:
Поминал Бога Матерь,
И причём много раз!

И тебе, чтобы выжить,
Помогали всегда
Скалы, горные лыжи
И вершин высота!

И Алтайские горы,
И Тянь-Шань, и Памир –
И с вершин перед взором
Открывался весь мир!
От восторга и плакать,
И смеяться ты мог:
На вершине был Лапоть,
Рядом с Лаптем – Сапог!

Твоей глотке лужёной
Не страшны снег и лёд;
Эхо скачет по склонам –
Всё ущелье поёт!
У костра над Ак-Кемом
Звонко струны звучат;
Очарованы пеньем
Трое чешских девчат!

Стал с Михеичем Толей
Щит ядрёный ковать,
Чтобы враг пред собою
Видел «Кузькину мать!»
И сварил из титана
Кислородный баллон,
Чтобы был Красноярском
Эверест покорён!

Из ракетных обломков
Аппарат смастерил,
И нагнал самогонки
И груздей насолил!
Стал друзьям к юбилеям
Аппараты дарить,
Чтобы каждый при встрече
Мог продукт оценить!

А научная школа –
Твоей жизни итог;
Подготовить толковых
Ты соратников смог!
Отдохнуть давши мозгу,
Поработал сплеча:
Четырёх детей создал,
А от них – пять внучат!

И на лыжах на новых
Ты лети всё быстреей
В Шерегеше, в Ергаках,
И в Бобрах, и везде!
Будь во всём неизменный,
Оставляя свой след
В наших душах, и в песнях,
В бесконечности лет!

На юбилей Храброго Зайца

Что так сердце, что так сердце растревожено,
Словно ветром тронуло струну:
Много песен Зайцу нами сложено
К юбилею я спою ещё одну!

И в избе на Грифах,
и в горах заснеженных
С Зайцем мы бывали много раз, –
И тобою, сильною и нежною,
Навсегда был очарован Чёрный Рант!

С ним Алёшку с Димой
рОстили спортсменами,
Нынче внукам подошёл черёд,
И на даче многое наделали –
Сгородили образцовый огород!

Мы энергией твоею восхищаемся,
Пьём за блеск твоих весёлых глаз!
На Гремячей Гриве повстречаемся
И на Грифы попадём с тобой не раз!

Свадебное поздравление

Попросила как-то моя сестра Татьяна написать стих на свадьбу её коллеге-юристке по имени Света. А кто жених? А жених – Алексей Г-ко, из МЧС. Оказался мой знакомый – скалолаз Лёха! Пришлось написать:

Для размноженья всех на свете
Секс нужен, что ни говори;
И Лёха женится на Свете,
Им, как Христу, по 33!

Алёха в эМЧезСе служит,
Туда ведь хилых не берут;
Он Свете как опора нужен –
Она ж как стебель на ветру!

Пусть Жирик в Думе, сын юриста,
Нам на мозги дерьмо кладёт!
А Лёха будет муж юриста –
В законах Света подкуёт!

Желаем плыть по жизни прямо,
Плодить детишек без конца,
Юристами пусть будут – в маму,
И здоровенными – в отца!

P.S. Когда стих был зачитан, Лёха сразу же сказал – писал дядя Вова Деньгин...

Очередной стих про Олеся

В газете «Городские новости» от 11.10.19 г. была статья на целую страницу про Олеся с кучей фото: на скалах, на лыжах, на яхте, за штурвалом самолёта – в общем, про её многогранность и жизнелюбие. Я, как и все её друзья, восхищаюсь Олесей и посвятил ей немало стихов и рассказов, описывающих её бурную жизнь. Мой отклик на статью:

Пой, с вершины ноги свеся,
И взлетевши до небес –
ВездеСущая Олеся!
(Не иначе – с двумя эС!)

Подробное описание празднования 35-летия избы Сестрѐнка

*(Вариация на тему
«Всё хорошо, прекрасная маркиза»)*

Не по грибы, не по опѐнки,
Мы на подъѐм всегда легки.
На юбилей избы Сестрѐнки
Мы едем через Сосняки!
Мы в Сосняках притормозили,
На борт Папаню загрузили,
Папаня был при бороде и шляпе,
Смотрелся очень хорошо!

К Кантату засветло мы подлетели,
В нём сильно поднялась вода,
И посреди Кантата прочно сели,
И ни туда, и ни сюда!

Машину разгрузили враз,
И натянули полиспасть,
И хором начали тягать,
А лимузин ни с места, б...!
Олег на помощь таль принѐс,
А в ней был перепутан трос.
Чтоб трос распутать без напруг,
У тали обрубил крюк.
Лебѐдка тоже там была,
Но ни хрена не помогла,
За полиспасть опять взялись,
И 3 часа мы с ним ...лись!

Когда же к нам подъехал Лимонадный –
На берег выполз лимузин!

Он сообщил уставшему народу
Ужасно радостную весть:
Что впереди у нас ещё два брода,
И нам их надо перелезть!
Но это нам не покатило,
Нам одного вполне хватило,
И проводил он нас до сокращёнки –
Тропы короткой на избу!

И мы полезли вверх по сокращёнке,
С тропы сбивались мы не раз,
– Бери левой! – орали нам девчонки,
И прилетало веткой в глаз!
За все коряги спотыкались,
За что попало мы хватались –
Наверх мы влезли чуть не на карачках –
Юрий Васильич встретил нас!

И ожидала нас за перевалом
Большая тёплая изба:
Храпотья побросали как попало –
И тут же началась гульба!

Мы для сугрева по чуть-чуть,
Потом за юбилей чуть-чуть:
И пели песни на ура
До полчетвёртого утра!
Тех чудных песен я, увы, не слышал –
Спал в тёплом месте за трубой!

Изба Сестрѣнка. Лето

Изба Сестрѣнка. Зима

Наутро солнце склоны осветило,
Дождь надоевший чуть затих,
Толпа народу снизу подвалила,
И были барды среди них!
И снова ели, снова пили,
А после баню затопили.
И в жаркой бане об меня Васильич
Пихтовый веник обломал!

А на веранде, на столе огромном
Стояла банка для «бычков»:
И тётки дым пускали поголовно
Ещё похлеще мужиков!
И я в компании курящей
Сидел как древний звероящер!
И если вдруг табак подорожает,
То будут все курить «бычки»!

Изба Синильга в гости собиралась,
Но почему-то не пришла:
Толпа до поздней ночи гужевалась
И, утомившись, спать легла.

Проснулись утром – небо ясно!
(Примерно к десяти утра),
Обед готов, и жизнь прекрасна,
И по домам уже пора!
По сокращёнке мы спускались,
Осенним лесом любовались,
Потом свои машины оседлали
И дружно ринулись домой!

Объявление в клубе «Криофил» («Моржовка»)

О новогоднем концерте 06.01.20 года

С восторгом их встречают в клубе.
Их знают все и очень любят.
Они ведь братья-близнецы
С фамилией редкой – Либренцы!

Живите, пойте, Саша, Вова!
Вы клуба нашего основа!
И ваша песнь ещё не спета!
К сему Ваш друг, Сашко, с приветом!

Реплика 30.12.19 года

Друг Либренцов Сашко «с приветом»,
И твёрдо знает он при этом:
Сопраном пели б Либренцы –
Когда б отрезали яйцЫ!
Большой привет Вам, Либренцы,
Моржи, певцы и молодцы!

В. Деньгин. Грифы. Клуб «Криофил»

СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ

Памяти Лаптя

Вот и похоронили Валеру Лаптёнка. При огромном стечении столбовского народа. Повидал всех, кого вижу чрезвычайно редко. Много крепких рукопожатий и дружеских объятий. Постарели, увы, и я тоже.

Много речей на поминках, вспоминали Валерины славные дела, говорили о замечательных человеческих качествах. Всё так.

Слушая речи, я думал вот о чём. Для меня важно, сколько радости ты доставил людям. Почти сорок лет слушал я его песни, и моя душа замирала от наслаждения. Сколь многим и какую огромную радость принёс Валера за свою жизнь. Вот и оценка, вот и итог.

05.10.2019

И снова поминки за нашим столом. Сороковины Валере Лаптёнку. На девять дней в одном из выступлений промелькнуло слово «отзывчивый». Да, это так. Всегда отзывался, помогал. И мне тоже.

Хочу поделиться одним очень личным воспоминанием. Года полтора назад некая больничка отправила меня на консультацию в онкодиспансер с подозрением на рак. Не редкое дело у нас, старичков. Подозрение не подтвердилось, но в тот памятный день я исхода не знал. Войдя на территорию, нос к носу столкнулся с Валерой.

– Привет! – воскликнул Валера. – И ты здесь!

– Как видишь. На обследование приехал.

– А я уже три года сюда езжу.

Я знал, что Валера героически борется с болезнью. Восхищался его мужеством и стойкостью. Поговорили и разошлись.

Уходя, Валера жестом «но пасаран!» вскинул над головой кулак. И этот знак солидарности, борьбы и поддержки навсегда отпечатался в моей памяти.

15.11.2019

В. И. Хвостенко

Друзья уходят, кто же остаётся?

Друзья уходят, кем их заменить?

(из песни барда Вадима Егорова)

Памяти Н. Н. Резовой

Вспомним нашу Нину!

28 марта 2021 года умерла Нина Николаевна Резова-Прудникова, сестра Альберта Николаевича Резова (Чёрного Ранта). Познакомился я с ней летом 1961 года на стоянке Олимп за Вторым столбом. Приехала Нина из города Кохмы Ивановской области по комсомольской путёвке в Красноярск. Работала на радиозаводе монтажницей, занималась в театральной студии и, конечно, пришла на Столбы!

В году 1960-м с товарищем затащила на Перья кастрюлю теста и сковороду и пекла на вершине Перьев блины под восторженный рёв болельщиков внизу: кидала их вниз – налетай, не жалко, на всех хватит!

В 1961 году, в августе, мы троём – Нина, Лёнька Петренко и я – сходили на Манские озёра, где Ману можно перешагнуть в её истоке из озера. За две недели успели и пешком пройти от деревни Мины до Манского озера через заброшенный Юльевский прииск, и разбить наспех сколоченный плот на шиверах Маны, и вернуться обратно в Мину по тропе от Аянчихи (35 км за день).

Осенью 1961 года Нина с Лёнькой Петренко пришли на Грифы и сразу вписались в компанию. В июне 1963 года мы с ней ходили по Алтайским горам в альплагере «Актру» на значок «Альпинист СССР». Запомнилось, как при сдаче физ. нормативов Нина подтянулась на турнике 10 раз и спросила у инструктора, не надо ли ещё (для женщин на отлично надо было 5 раз).

Из Манского озера вытекает р. Мана, которую можно перешагнуть

Снежник над Манским озером со следами парнокопытных и медведей

В те же годы ездили они с Лёньюкой Петренко в геологическую экспедицию и принесли на Грифы радиометр – мерить радиацию. Были походы в пещеры Красноярского края, где Нина ныряла в сифоны в купальнике и с фонариком на лбу.

Потом были горные лыжи (общее увлечение всех Грифов). Её талант организатора заметил Валентин Иванович Махов, директор горнолыжной школы в Бобровом логу. И пригласил тренировать детей, которых она набрала на Базеихе в горнолыжную секцию. Поступила и окончила физкультурный техникум вместе с Фёдей Бадыговым и Димой Гудковым, и стали они тренерами в Бобровом логу. Среди её воспитанников – чемпион Союза Вадим Янголенко, а её сын Виталий выиграл чемпионат по скоростному спуску!

Позже уехала Нина в Ташкент, и на Чимгане также была горнолыжным тренером.

Из Ташкента перебралась с семьёй в Поволжье... Там летом переплывала Волгу, а зимой приезжала в Москву для участия в горнолыжных соревнованиях в своей возрастной группе и занимала призовые места!

Всё это время писала в письмах брату и всем грифовцам в Красноярск, что скучает по Столбам, по Грифам, и несколько раз устраивала себе и всем нам праздник – приезжала и ходила на Столбы, на Грифы, в Бобровый лог, посещала своих воспитанников, которые с восторгом её встречали...

Нет больше нашей певуньи, заводилы во всех делах! Такой неутомимой ты останешься в нашей памяти, Нина!

Нина нырнула через сифон в пещере Караульная-1, Люда Заяц протирает её полотенцем

Памяти Галки Солнечного Воробушка

Лёнька

*(Леонид Тимофеевич Петренко) –
мой друг детства, в юности
спутник по Столбам, по пещерам,
по освоению Диких столбов.*

*С ним мы были в альплагере «Актру».
Восторженный певец вершин
и бездонных пропастей...*

Это были благословенные 1965-66 годы. Восторженные альпинистские гимны и вальсы Юрия Визбора сменил глубинный покой романсов Булата Окуджавы. В поющую поэзию врывались рокочущие энергии гения Владимира Высоцкого.

Наш (с детства) дружеский круг любителей путешествий с рабочих окраин Мелькомбината, Юдинки, Николаевки, Таракановки процветал в царстве свободы красноярских Столбов. Повозвращались из армии Владимир Тронин (Боб), Владимир Кокарев (Кокарь) и наш старшенький Миша Мусатов (Бес), то есть нам было по 20-23 года.

Все мы – в основном советская голь перекатная – были сказочно богаты. Нам принадлежал мир. И даже не один. Мы царили как первопроходцы в «мире под миром» – в глубинах пещер – и уже стали хозяевами в прекраснейшем мире скальной свободы. Нам принадлежали Грифы поднебесные, изба Беркутянка (бывший штаб общества Беркут), стоянки Олимп, Дебри, Скрытный, Гном, БИФ, Медовый Месяц, Мелькомбинат на Каштаке, Вторая Устюговская на Малом Такмаке.

Да и во все остальные приюты от грозного Вигвама до уголовной Нелидовки мы были вхожи.

В любое время года и суток, в любую погоду наши восторженные вопли и песни доносились с самых неприступных вершин либо из пещерных пропастей. Мы были рыцари, и герои, и сказочные божества очеловеченного нами пространства грозных вертикалей.

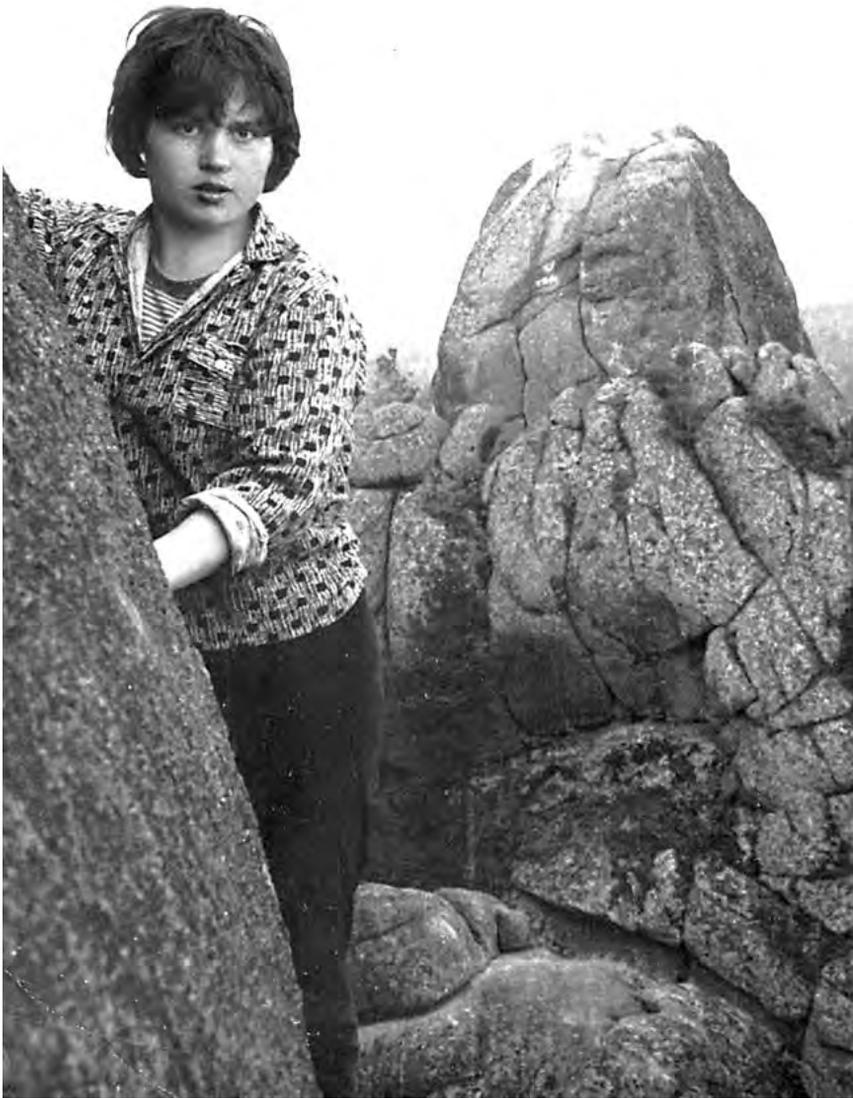
По мере надобности и накалу чувств приходилось гонять по лесу браконьеров, обнаглевших блатных, зарвавшихся уголовников и даже красных фашистов из КАО. Но были мы добры, щедры, многоголосы. Не было среди нас крохоборов, шакалов, насильников, стукачей, пьяниц.

А уж какие рыцари без прекрасных дам! Гавайские гирлянды, пышные букеты, а то и россыпи прекрасных дев, цветущих лиц и нежных щебетаний украшали вечный праздник скальной молодости: тут тебе и секс-бомбы с Красраба, и равные нам двужилые скальные грации, и альпинистствующие бабули с Грифов (аж по 25 лет было им), а щедрый Красноярск всё сыпал к ногам своих нищих героев, а то и прямо на голову, охапки роз и чертополохов.

Очередную цветочную гирлянду нам подкинул наш младшенький Шурик Савин (Еврей). Поводил он по скалам очередной девичник. И связку общественных карабинов забыл в рюкзаке у студентки из СТИ. А сам куда-то укатил.

И вот топаем по пятиэтажному общежитию (улица Ленина, 34). Тут мы свои, здесь живут девушки из Искровки, Медички, Беркутянки, да и здешних знаменитых драчунов с мехфака приходилось гонять. Стучимся, вваливаемся. О боже, да тут сплошь промокашки – шпаночки-шнурочки, первокурсницы по 16 лет. Как сказал поэт, «ходячая статья».

Осторожно спрашиваем про Столбы, про Шурика. Притихшие испуганные девчужки оттаяли, оживились. Начали чаем

*Моя Галка. Свадьба на Столбах 18 сентября 1970 г.
На Галиной площадке Второго столба, сзади скала Митра*

угощать. Миша Мусатов гнул свою линию: «Девочки, а вот такие круглые железки вы не потеряли?» Тоненький задорный голосишко пропищал в ответ: «Такие большие дяди, а карабины железками называют!»

Оторопев от дерзости, уставились на похожую на воробушка курносую девчонку с зеленоватыми глазами цвета румынского вермута, с пухлыми губами, усыпанную, несмотря на позднюю осень, целой пригоршней жарких веснушек. Первым опомнился самый представительный, вальяжный Витя Абакумов: «Девушка, да вы через ситечко загорали!»

Это была Галя – Галка Солнечный Воробышек.

Те студентки-шпанючки ещё долго украшали-отравляли нашу столбовскую жизнь, а некоторые увязли в этом навсегда.

Отдельно можно сказать про Люду Суворкину из этой группы, и сейчас, через 35 лет, занимающуюся альпинизмом. За хрупким и скромным на вид обликом девочки из болотистого Канска таилась удивительная сила и стойкость. Распахнись для неё с юности дверь в большой альпинизм – Люде с суровой фамилией покорились бы все Эвересты.

Столько доброго, чистого огня дарила нам молодость, что, не размениваясь на пьянки, драки, курение и секс, мы без остатка тратились на скальные геройства. Столько дружбы, чистой любви и песен витало меж нами, что, пожалуй, это и было нашей атмосферой. Иногда просто из удовольствия лазили по 30-40 часов подряд. Особенно в Торгашинском провале. Особенно любили лазить в абсолютном мраке ночи, часто засыпая лишь под утро на 3-4 часа. Приткнувшись носом к травяной кочке, плечу товарища или столь же дружественной титьке. В темноте лазили всегда на ощупь. По памяти зная наизусть тысячу скальных опор, да и все скользкие и запиналистые места. У всех у нас, у пещерников, были приличные налобные фонарики,

но лезть с фонарём на Столб – это моветон, всё равно что купаться в резиновых сапогах.

Шли как-то с девочками во мраке мимо Первого к Перьям, декламируя по очереди во все горло «Мцыри». Вдруг прямо на нас шлепается непутёвый столбист. Никто сильно не пострадал, но где ещё, скажите, на девичьи головки мужики с неба падают? Оказалось, он катился по Голубой катушке, а карниз, как трамплин, превратил катуна в летуна. Зажгли спичку, а он лежит калачиком, счастливо улыбаясь пьяными пузырями. И хоть бы что сломал. Так, калачиком, видимо, и катился. Да и бог бережёт пьяных.

Особенно любили Галка с подружками своего первого вождя Шурика, и он эту любовь и доверие оправдывал, счастливо дурача их по несколько раз в день. То пошлёт их на гору за водой, то к леснику за дровами, то в медпункт за молоком, то к участковому за хлебом. Один раз отправил в Живой уголок с помочами для Джемса.

Заводил девушек на снежные обрывы и спихивал всех в бездонные сугробы, заманивал под снежные карнизы, руша их на счастливые головки. Особая статья была – в темноте завести девичник в непроходимую скальную узость и исчезнуть.

В Джебские пещеры, станция Кошурникова. Моя Галка, Сашка и Людмила Суворкина

Шуриковы воспитанники становились всё ловчее и находчивее, временами совершая непостижимые чудеса.

Однажды, не имея даже спичек, девушки выбрались из Чёртовой кухни через Западную расщелину, считающуюся непреодолимой. Я потом годами показывал эту узость всем знаменитым скалолазам и даже великому Гене Коваленко, но меня посчитали за неумного шутника.

В другой раз ночью Шурик подвёл девчонок к скале и трагическим шёпотом велел взяться за руки, шагать осторожно ему вслед. «Будем по карнизу уходить за поворот», – сообщил он. Больше получаса крались, пробирались осторожно за бесконечный поворот, пока не вышла луна и не высветила, что все кружат по ровному месту вокруг огромного валуна.

Всех фокусов гораздого на шутки Шурика уже и не вспомнить, но счастливое девичье племя буквально обожало его, восхищаясь шкодливым вождём.

Игровая выучка шла, впрочем, на пользу. Как-то всем весёлым хороводом забрались в пещеру Караульная-2. Место, в общем, спально-отдыхальное, но у нас там есть свои изюмы. Слазили к Верхним Пагодам над Перекрёстком, прошлись по Чёрному камину, поднялись в Белую трубу. Деньгин выход в ход Прометеев показал, а всё скучно. Устроили слепые гонки (без света) от Спального сталагмита до сосны у входа и обратно. В то время самое пикантное место был скально-ледовый камин на леднике. Старт был общий, и кое-кто лбами бодался, а вот студенточки наши умудрились по сумме подъём-спуск обогнать кое-кого из бывалых.

Как-то летом у Слоника, расшалившись, мы с Володей Деньгиным пытались щекотнуть ужасно слабую на этот счёт Галку. Слабость обернулась силой. Два крепких парня (мы) держали эту малявку за вытянутые в сторону руки (каждый за одну), а она, извиваясь, как индийская танцовщица, мотала нас

по поляне, очень ловко пиная обоих поочерёдно в танцевальном ритме. Мы завели её до такой степени, что, вырвавшись, Галка в первый и последний раз взлетела на Слоник по Центральной забегке. В общем-то, она свободно лазила по Боковой забегке, а скатываться мы её не научили – обувь жалко. Как-то, заглядевшись на пацанов-катунов, Галя возьми и скатись по Центральной забегке. Шуршащий пацанский азарт застил ей глаза, и она сошла в неправильной стойке. Девичьи косточки хрупнули о землю, и Галя с переломом ноги въехала на второй этаж больницы Водников.

В палате был балкон, под балконом сквер на проспекте Мира. Вот все многочисленные друзья-товарищи и топтали тот сквер и лапали тот почти испанский балкон. Наша светлая дружба будила ненависть у Галиных соседок по несчастью. Очень даже видные окованные гипсом дамы никого не интересовали, а тут девочка-воробышек, а к ней косяком парни, да ещё такие бравые. Однажды из палатного полумрака мимо моего виска просвистела склянка из-под духов. Вместо стихов Евгения Евтушенко из моей пасти вырвались рёв и обещание размазать снайперов, как клопов, по стенам.

Как-то, объевшись Столбами и заскучав по купаниям, нагрянули среди лета на учебные лесные дачи СТИ, но и здесь черт понёс

Моя Галка. Альплагерь «Талгар»

нас в Вертикальную Караульную пещеру. Вернувшись в полночь, плавали и стирались в Енисее, чаёвничали, а потом как-то уж очень дружно грустили, валяясь у костра. Звёзды в небе, звёзды в енисейских струях, искры-звёзды над костром. Это было прощание с тёплым Енисеем, вскоре навсегда застуженным.

Утром мы уже упражнялись с верёвками на 60-метровой стене Караулинского быка, прыгали со скалы в сказочной красоте омут, а девы наши царили в купальниках на Тропе смелых (главная вершина). Это был бунт, единственный за все походы, но бунт. Галка, дерзко задрал снизу вверх свой крапчатый носик на цыганистого верзилу Шурика, предъявила ультиматум: «Слушайте, Шура (читай – Балаганов), ночью вы делали с нами, что хотели (?!!) на снегу... Мы Вас слушаемся на Столбах.. Мы Вас обожаем, но... Сегодня мы дамы в купальниках и будем загорать!» И пролежали, вредины, гольём весь день на вершине раскалённой солнцем скалы.

Через полгода, уже по новому морю, в сорокаградусные морозы несколько раз красиво слазили в Кубинскую пещеру и один раз круто наехали на томских студентов, обломавших кристаллы Цветочного озера Волшебного лабиринта. Даже речёвку модную породили. Бывало, ползёшь и шепчешь в лад: «Лучший томич – мёртвый томич!»

Последние совместные походы с гвардией Саша Савина были в Джебские пещеры на Казыре. Всё было, как всегда, прекрасно: роскошные пещеры с кристаллами арагонита и селенита, уханье филина всю ночь, тушёная зайчатина, староверские чёрные пироги с капустой и шпиком (не черствеют всю зиму).

На железнодорожной станции Кошурниково пристали местные хулиганы, но я, мудро велев парням молчать, вяло пытался свести дело к миру. Шпана борзела, но вдруг попятилась и поспешно ретировалась за пределы вокзала. Это добрейшие Люда

с Галкой вдруг обратились в разъярённых рысей и едва не лишили зрения юных задир. Это нужно видеть: пылающие лица, сверкающие глаза, скрюченные в когти пальцы рук, и речь – что-то среднее между шипением кобры и боевым завыванием кошки.

P.S. Мне не случилось знать семью друга детства Вовы Деньгина. При написании попыток воспоминаний возникли несоответствующие трауру весёлые мысли. Да простят меня близкие, но на столбистских тризнах после торжественных печалей, бывает, и песни поют.

Владимир Аркадьевич с детства был тайным рыжим и (в соответствии с приметами) очень талантливым. Ещё в детсаде писал классические сказки и матерные частушки, ввёл в культуру кукурузу ещё при Сталине. Первый ученик в школе, участник краевых олимпиад, читал на радио собственные стихи.

Встретясь после 35 лет забвения, я был изумлён, что самый головастый пацан северо-западных окраин Красноярска не академик и даже не доктор-профессор. Видно, все рыжие таланты ушли на выращивание детей в нашем трудном отечестве.

Тайная рыжая талантливость Владимира Аркадьевича, помноженная на тайную рыжину Солнечного Воробушка, обязательно расцветёт в потомках. Золото фамильных талантов и окраски, безусловно, приведёт к созданию ими золотых рычагов Архимеда, что перевернут мир к гуманизму. Благодарные народы по законам древней геральдики вознесут родовое прозвище, где самое скромное будет «Злато-Деньгины».

Не забывайте, что ваши истоки на Столбах, а род ваш идёт от скального рыцаря, вписавшего своё имя в высочайший утёс Токмаковской гряды в мае 1962 года. До сих пор никто не повторил лаз Игольное ушко Деньгина. Да и Мадонна рода,

Солнечный Воробышек, как-то по нечаянности, во мраке преодолела до сих пор никем не преодоленную расщелину. Вот так ваши пращуры создали девиз «Преодолей непреодолимое».

Печальные итоги скорбных тризн
Не затенят наш солнечный столбизм,
Где мы рукой касались Мирозданий
По вертикальностям космических дыханий.

В окаменевшей коже Планеты
Был каждый вздох про солнечное лето,
И Солнечную Птичкой в два крыла
Здесь ваша мама счастлива была.

Не на горошине, фасоли и бобах
Принцессы истинные – только на Столбах.
Красиво и геройски юность шла,
Здесь Рыжую свою любовь нашла.

Здесь, упразднив равнинные пространства,
Взошла Любовь под знаком Постоянства.
И не забудет Деньгиных семья
Про Солнечного чудо-Воробья.

Леонид Петренко

24 января 2001 года

ВСЯКОЕ–РАЗНОЕ

Первомайский марафон

После гибели Нины Актаевой в Торгашинской пещере в январе 1963 года наша компания Грифы и компания Прометей стали ходить в пещеры с красноярским спелеоклубом и даже участвовали в мартовском штурме Коляжинского Провала. Поэтому на 1 Мая я собрался идти в Торгашинскую пещеру с руководителем клуба Игорем Ефремовым. Пришёл к нему домой в посёлок 1 Августа, а там ещё двое спутников: Владимир Беляк, сын Ивана Филипповича Беляка, довоенного столбиста, автора книги «Край причудливых скал», и боксёр-тяжеловес Володя Романов. В доме Игоря – первомайская гульба, нас настойчиво приглашают поучаствовать, но мы вежливо отказались. Один товарищ обиделся и полез в драку. Боксёр Володя его слегка успокоил по челюсти, и он прилёг отдохнуть, а мы пошли своей дорогой. К вечеру спустились в пещеру, лазили там всю ночь, как обычно (субботы были рабочие, добирались до пещеры к ночи, ночь лазили, а утром вылезали и шли домой отсыпаться, спали весь день и ночь воскресенья, а в понедельник – на работу). Вылезли утром 2 мая немного уставшие.

Игорь и два Володи пошли домой отсыпаться (3 мая – на работу), а я решил пойти в Намурт на Базаихе, потому что не был там раньше. Спустился по дороге вниз к реке Базаихе, там на большой поляне толпа туристов. Тут же нашёл общих знакомых, и среди них – Борис Кельс, томич, который был участником экспедиции в Коляжинский Провал в марте. И решили мы пойти из Намурта на Такмак группой 5-6 человек.

А поскольку Базаиха уже вскрылась, то поднялись по правому берегу на хребёт и пошли верхом. Пришлось спускаться в поперечные лога и подыматься вверх, порядка 6-7 спусков-подъёмов. Да ещё в некоторых местах прошли весенние палы. Трава на склонах вся выгорела, и шли мы по щиколотку в горячей золе. Я-то был в отриконенных альпинистских ботинках, а спутники кто в кедах, а кто в кроссовках, и их немного припекало.

И ещё один красивый момент был – к нам навстречу выскочил из леса здоровенный марал, посмотрел на нас, фыркнул презрительно и ускакал обратно в лес.

Часам к 6-7 вечера дошли мы до речки Моховой и встретили альпиниста Виктора Дитриха. Попросил я у него верёвку (у нас не было) для страховки и поднял группу на Такмак. Спустил их благополучно, и домой попал около часа ночи. А утром в 8 часов я был на работе. Вот такой был полуторасуточный марафон.

Про Визбора

В начале 70-х годов приезжали в Красноярск с концертами барды Кукин, Клячкин, Вихорев, позже в середине 80-х – Юлий Ким с Мишей Щербаковым и другие.

Приезжал и Юрий Визбор. Был его концерт в главном корпусе политеха, в актовом зале. А я там учился на вечернем отделении и, конечно, на концерте был.

Народу – полный зал, половина – столбисты, альпинисты, в общем те, для кого он и писал свои песни. Всем понравились и песни, и сам Визбор. Весь зал подпевал ему знакомые, берущие за душу слова. На краю сцены стояла куча магнитофонов и на натянутой верёвке над каждым висел микрофон – народ старался записать концерт.

В конце выяснилась любопытная подробность, вызвавшая всеобщий смех: оказалось, что у коллектива избы Голубка кто-то срезал микрофон. Удивительно было, что о ребятах из Голубки в то время, да и позже, шла слава как о лихих парнях. И если бы они, например, срезали микрофон, никто бы не удивился. Значит, нашлись ещё более лихие ребята.

Вот такой случился казус на концерте Визбора.

Про Сашу Бермана

Впервые я узнал, что есть такой Саша Берман, прочитав в журнале «Юность» рассказ «Столбы, Столбы» о его посещении моей стоянки Грифы.

В июне 1980 г. Сашу привёз на снежник за посёлком Приисковым мой друг Коля Молтянский. Там мы познакомились, покатались на горных лыжах. По приезде в Красноярск Саша был у меня дома, подписал мне свою книжку и уехал к себе в Москву. Дал я ему пачку газетных вырезок о Столбах, он обещал их вернуть. Позже я прочитал книгу Кунина «Иванов и Рабинович, или Ай гоу ту Хайфа», не связывая Сашу Бермана (пока) с сюжетом этой книги. Больше мы с Берманом не встречались. А позже окольными путями я узнал, что Кунин взял за основу книги выезд Саши с женой из СССР за границу в 1988 г. И только после 2012 г. мне подарили Сашину книгу «Среди стихий» издания «Москва, Возвращение, 2012 г.», где я прочитал подробности Сашиного отплытия на купленной яхте через Балтийское, Северное и дальше через Средиземное море в Израиль. Так что папка с газетными вырезками о Столбах, скорее всего, осталась в его московской квартире. Ну да бог с ней. А из этой его книги я узнал много интересного, в том числе тот факт, что к занятиям канатоходством его подтолкнули красноярские столбисты. А конкретно – Саня Дёмин, который ввёл хождение по тросу в тренировки скалолазов для отработки равновесия. Так что будь здоров, Саша! Может, когда-нибудь увидимся!

P.S. Мне сообщил В. И. Хвостенко, что Саша скончался в 2016 г. Очень жаль! Вечная тебе память, Саша!

Над головой летит марал...

(Рассказ Ирины Бакалейниковой)

Вечером в декабре еду на машине по лесу с кордона «Лалетино», скорость держу 20 км/ч. Смотрю, над машиной пролетает наискосок марал, увесистый, килограмм на 300. Первая мысль – глюк! Но тут его задняя нога зацепляет правую переднюю фару, а задница в гармошку сминает капот. Марал вскакивает и дёргает в гору. Я торможу, выскакиваю и за ним! Почти что догоняю, и тут мысль: «А зачем это я за ним бегу? Морду набить, что ли?» Остановилась, а он так в гору и ускакал. Что интересно, хотя у машины капот и всямку, но и бампер, и радиатор, и даже фара остались целыми.

P.S. Потом об этом случае Сергей Баякин сочинил куплет и вставил в свою песню о столбовских персонажах.

Дорога, ночь, урчит машина;
Вцепилась в руль «Пежо» Ирина...
Своей ночной тропой скакал марал.
Но две тропы перекрестились,
Две судьбы соединились –
Марал разбил «Пежо» и ускакал!

Маралуха – не корова

(Запись рассказа Екатерины Белогрудовой)

Катя работала в заповеднике «Столбы» в 2017 году и жила на кордоне «Лалетино». Вечером 11 октября прибежали к ней товарищи и попросили сходить посмотреть молоденькую маралушку. Той явно было плохо, она стояла на крутой тропе метров на 200 ниже по речке и не давала никому пройти.

Маленькая маралушка – сеголетка

Попыталась Катя её веткой отогнать, но та, видимо, решила, что на неё пытаются напасть, и встала в боевую стойку, поднявшись на задние ноги. Катя отпрянула, поскользнулась, и упала ногами вверх. Маралушка тут же ударила её копытом и попала по пятке. Катя попыталась встать, но не смогла. Крикнула помощь. С дороги услышали её, подошли, подняли на ноги и помогли дойти до дороги. Приехала скорая, увезла Катю в травмпункт. Там очень удивились такой травме: были у них покусанные собаками, поцарапанные кошками, один раз даже человек, получивший по морде от обезьяны, но побитая маралом – первый раз!

Сначала Катя ходила на костылях. Потом, спустя пару месяцев, ей это надоело, и она обратилась за советом к опытному врачу, Людмиле Ивановне Рожиной-Слинковой, столбистке и первостроительнице избы Медичка на перевале. Людмила Ивановна сказала ходить на костылях как минимум до весны, посоветовала массаж и комплекс упражнений. Катя

послушалась её совета, полечилась, и теперь даже не хромот. Пятка у неё восстановилась настолько, что через 2 года Катя смогла пойти в поход и неделю носила рюкзак на 20 кг!

Спасение маралухи Ройки

В Живом уголке у Елены Александровны Крутовской жила маралуха по кличке Ройка. Назвали так её, видимо, потому что всё время что-то рыла, копытила – добывала подножный корм.

Ройка любила ходить по столбовским избам и попрошайничать, причём так умело, что столбисты, хоть и вечно сами голодные, обычно делились с ней чем могли. Иногда маралуха ходила и в цивилизацию вниз по речке Лалетиной, до самой «Турбазы».

Спускаюсь я как-то от остановки автобуса на «Турбазе» к речке, смотрю, стоит ГАЗ-66, и какие-то ловкие ребята собираются загрузить в него уже связанную Ройку. Тут же вмешался, объяснил им, как они не правы, отобрал Ройку и отвёл её на «Турбазу». Там как раз знакомый инструктор собирался вести группу туристов на Столбы, заодно и маралуху прихватил.

Елена Александровна Крутовская, Волчик и Ройка

Через Ману вплавь

Собирали мы втроём бруснику в логу напротив впадения Ангула в Ману: Витя Абакумов, Юра Овчинников по прозвищу Цыган (к сожалению, обоих уже нет в живых) и я. Через Ману нас переправил на лодке дед Нил, который жил со своей бабушкой всё лето в единственной уцелевшей из всего посёлка Ангул избе, а осенью их забирали дети в город. Так вот, набрали мы брусники, подошли к берегу Маны и стали орать, вызывая деда Нила с лодкой. Но ответа нам не было. Решили, что один из нас должен сплавить за лодкой. Стали решать: кому плыть?

Витя летом был на пике Коммунизма с красноярской командой альпинистов и ещё не отогрелся: 7,5 тысяч метров высоты, вечный снег и лёд. Юра по причине радикулита ходил скрюченный. А я сказал, что у меня на плавках резинка слабая – смоеет их течением. Дали мне верёвочку, подвязал я плавки покрепче и пошёл. Зашёл по колено, течение меня подшибло, и я поплыл. Ширина Маны там метров 50, и снесло меня метров на 300. Выбрался на берег, дошёл до избы.

Бабушка копалась в огороде, а дед ушёл на станцию. Взял лодку и благополучно переправил друзей, а потом мы не спеша пошли на станцию Мана, так как поезд до Красноярска приходил около 12 часов ночи.

Как блудили мастера (Похождения спортсменов)

Собирали мы в начале сентября бруснику над ручьем Ангул, впадающим в Ману. Были втроем: Людмила, мастер спорта по туризму и инструктор всяческого туризма, Серёга, чуть ли не к. м. с. по спортивному ориентированию, и я, столбист и немного альпинист (2-й разряд с превышением). Сначала мы два часа искали рюкзак, поставленный нами на большом приметном камне. Потом Серёга зачем-то убежал за Поперечный ручей, впадающий в Ангул, и мы с Людмилой искали Серёгу, опасаясь, что он заблудится. Потом я, переходя по бревну через ручей, соскользнул с бревна и сел смаху на него верхом под подковырки товарищей... В конце концов, набрали мы брусники ведра по два и к сумеркам двинули на поезд – на станцию Мана. Ходу нам около двух часов до Выезжего Лога, а там через горку на станцию ещё минут 15-20. Идём по дороге, и тут взяло меня сомнение: хребет, который должен быть у нас за спиной, почему-то оказался справа. Я Людмиле говорю: «В чём дело?» А она: «Не обращай внимания!»

Ладно, часа через два выходим к деревне уже в темноте. Встречаем бабушку и спрашиваем:

– Как короче пройти на станцию?

А она нам:

– Вы что, ребята! До станции 20 километров, и деревня эта – Ивановка.

Тут мы и поняли, что крупно попали: до станции больше 3-х часов ходу, да ещё с грузом, а поезд идёт раз в сутки, и мы в понедельник на работу не попадём!

Стоим на дороге посреди деревни и репу чешем: как оказалось, в одном месте дороги расхотелись под острым углом, и мы пошли по правой, а надо было по левой!

И тут на наше счастье едет хлебовозка. Мы её тормознули, и за полчаса она нас довезла до станции. Подошёл поезд, толпа ягодников запрыгнула в вагоны, и мы тоже.

Вагон набит под завязку, атмосфера очень сгущённая. Пристроились на уголок скамьи, едем. Я говорю своим: «Давайте пройду по вагонам, может, найду, где посвободнее?» А мне другие пассажиры говорят: «Бесполезно, в поезде три вагона каких-то переселенцев, и шиш ты чего найдёшь, всё забито».

Всё-таки я прошёл до последнего вагона. Выхожу в тамбур: одно стекло выбито, холодновато, но тамбур-то пустой! Возвращаюсь, говорю своим: «Пошли!» И расположились мы в этом тамбуре: постелили палатку, влезли в неё и заснули. А чтобы нас не беспокоили, я репшнуром обвязал все двери.

Под утро стук в дверь: к поезду подцепили ещё несколько вагонов, идут контролёры. Встал, впустил их. Они говорят: «У вас билеты есть?» Я отвечаю: «Есть!» «Ладно, – говорят, – спите дальше», – и ушли.

Проснулись мы на станции Злобино. Народ из вагона выходит: морды опухлые, глаза красные – а мы лежим свеженькие, как огурчики! И говорят: «Ну и ловкие вы ребята!» А мы им: «А то!..»

Вот так закончились тогда блуждания спортсменов.

Воспоминания о бочке и системе Ларионова

На свой очередной день рождения получил я поздравление от Коли Ларионова (известного красноярского спелеолога) такого содержания:

– Володя, привет и поздравление с днём рождения! Весной будет 50 лет Жрице. 250-литровая бочка снова перекочевала к ней! И напоминает тебя всё время!

*Ростислав Платонов (слева)
и Николай Ларионов*

Нашлась и фотография, где мы с Саней Грудиновым и Серёгой Терёшиным тащим эту бочку на стоянку Жрица (Коля Ларионов попросил помочь, а стоянка – на половине крутого склона под скалой Дед). Пришлось попыхтеть, но запёрли её на стоянку. Отдышавшись, спросили Колю: «На кой хрен тебе эта бочка?» Он ответил: «На что-нибудь сгодится».

И вспомнил я, как в Большой Торгашинской пещере занырнули мы из грота Буфет в систему Ларионова. Облазили её и полезли обратно. Красот там особых не было, но мне понравилась её спортивная сторона. Лазанье вверх-вниз распором, узкие калибровки и в результате – большая физическая нагрузка. (Да ещё и лазанье проходило ночью с субботы на воскресенье. Утром – подъём наверх. День – отсыпаться. И в понедельник – на работу). Уделала нас эта система очень качественно. В глотке пересохло. Язык как напильник, шершавый, и воды нет. Приходилось слизывать капельки воды со сталактитов.

Да разве этим напьёшься? Ближайшая вода – в колодце грота Ресторан. Есть озёра с чистой водой на дне пещеры и на дне Большого грота. Вода там настолько чистая, что фонарик просвечивает её насквозь до дна, и, не зная, можно влезть в неё ногой. От этих воспоминаний жажда только усиливалась!

Вылезли мы в грот Ресторан, а там Геня Коваленко на примусе вскипятил чай и нажарил бутербродов с колбасой – как раз вовремя! А что ещё человеку надо для счастья после системы Ларионова?

*Пещера Торгашинская. Грот Дно. Озеро.
Проход над водой, которую не видно – фонарик просвечивает насквозь!*

Дачные гости

Лет 30 назад появилась у нас с Галкой дача на Рябинино. Посадили мы там яблоньку-дичку. Росли на ней мелкие и кислые ранетки. И пришел к нам на дачу осенью, когда людей не было, медведь. Видно, не понравились ему ранетки, и сломал он яблоньку напрочь. Селекционер. Теперь мы без ранеток.

В прошлом, 2019 году, был я на даче в конце апреля – начале мая. Вижу в окно: на соседний участок выскакивает здоровенный серый заяц. Сел, повертел башкой, пошевелил ушами и удалился в сторону леса. Минуты через три прибежала собака, посидела, понюхала землю и поспешила следом за зайцем.

А летом я увидел медведя. Спускался с горы по крутому склону, и перед выполаживанием метров за 50-60 до ручья смотрю: сидит в самом ручье, жуёт листья смородины. Ближе я не стал подходить, ветер дул на меня, и я ходом-ходом ушёл вниз по склону горы вдоль ручья. А если бы ветер дул на него, и он захотел познакомиться поближе?

В 2020 году в апреле-мае пришла ранняя жара, и рано, в начале августа, уже поспела ирга. Предложил её друзьям, себе собрал полведра, поставил вино в 20-литровой бутылке – больше и не надо. Пока собирал, смотрю – лазит по веткам бурундук, ест ягоды с удовольствием. По макушке куста дрозды скачут, тоже клюют. Однажды даже куропатка села на ветку, попыталась подобраться к краю, где ягоды спелее, но не вышло: кувыркнулась.

А утром выхожу из избы – с веранды соскакивает рябчик молодой, и тоже на иргу сесть пытается. С тем же успехом, что и куропатка.

А вы говорите – современный горожанин природы не видит, все задымлено, экология... Просто присмотритесь!

Чудеса природы

Тройная радуга над Крепостью

Сидели мы как-то в 80-х годах в июле на Грифах. Только что кончился дождь. И появилась над Крепостью радуга, да не простая, а тройная: один конец за стоянкой Медовый месяц, а другой – за скалой Дикий камень. Любуемся на неё, желаем запечатлеть на фото, но из всей компании (десяток человек) ни у одного нет фотоаппарата. Досадно. И вдруг прибегает мой сын Виталья с центральных Столбов – с фотиком! Кричим, чтоб снимал скорее, а у него плёнка кончилась... Так и остались мы без удивительного снимка. Сейчас, конечно, такое даже представить сложно: у каждого смартфон есть.

Природа – великий скульптор

Зимой шёл я через Манскую стенку на Грифы. После подъёма за Черёмуховым ручьём на хребет параллельно Крепостному Калтату минутах в десяти ходу по тропе торчит справа засохшая коряга метра 3-4 высотой, вся залепленная снегом. Смотрю, в снегу чётко просматривается барельеф вождя мирового пролетариата, как на всех плакатах того времени изображали. Удивился, зашёл с другой стороны, а там очень натуральная скульптура объёмистой задницы!

Попросил Диму Гудкова, у которого была редкая по тем временам зеркалка, сфотографировать это чудо, чтобы показать друзьям. Но фото от него так и не дождался, а сейчас его уже нет в живых. Всё же великий это скульптор, природа! Великий, но неразборчивый: ей все едино, что Ленина ваять, что задницу. Впрочем, многие наши именитые творцы в этом с неё берут пример.

Двухэтажная кукушкина слёзка

Ирис (кукушкины слёзки)

По пути в Тюнгур (начало маршрута к Белухе) нашёл два здоровенных гриба-дождевика (вполне съедобных)

Выход с бревна к избе Грифы

Грифы, вид с хоздвора

Юный Пушкин в «Моржовке»

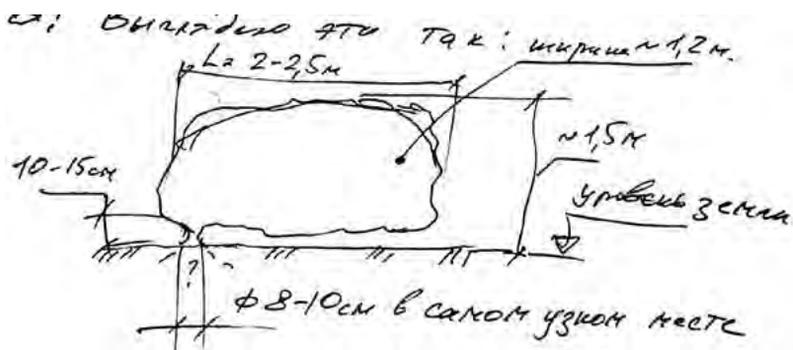
Зимой, году в 2018-м, в январе, в традиционный День столбиста в понедельник мы, как обычно, пришли в «Моржовку» (клуб «Криофил»); сидели в бане, окунались в Енисей и вели беседы в холле на разные столбовские темы. И вот, окунувшись в воду, иду назад в клуб и вижу чудо: стоит у тропы занесённая снегом молоденькая сосенка и очень напоминает изображение юного Пушкина с картины художника Тропинина! Подивился, пригласил ребят полюбоваться, но по разгильдяйству не сделал фото. Да и темно было. А в следующий понедельник портрета уже не было – видно, подул ветер и снёс солнце русской поэзии напрочь. На следующий год на этой сосенке Пушкина уже не было.

P.S. А почему мы вспомнили Пушкина? На мой взгляд, это плоды советского воспитания, когда этот портрет был и в учебниках литературы, и на обложках тетрадей. Не могу ручаться за все нынешние учебники, но мой внук после 9 классов школы этого портрета уже не узнаёт.

Удивительный камень

Как-то летом забрёл я, идя от избы Эдельвейс на Грифы, за скалы Фиг по хребту и наткнулся на удивительный камень. Величиной с комод, в каких наши бабушки хранили бельё и прочее, а сверху ставили всякие безделушки, типа семи слоников, приносящих счастье.

«Комод» стоял на одной каменной ножке, которую можно было обхватить большими и указательными пальцами рук. Но самое удивительно, что ножка располагалась не по центру, а по краю камня! Я влез на камень и попрыгал на нём с противоположной стороны – камень даже не шелохнулся! Выглядело это так:

Фотоаппарата с собой не было, и после этого я не бывал в тех краях. Если кто захочет найти камень, лучше всего идти от скал Фиг (и от тропы перед спуском в долину Сухого Калтата) по весне до травостоя, или по осени, когда трава пожухнет.

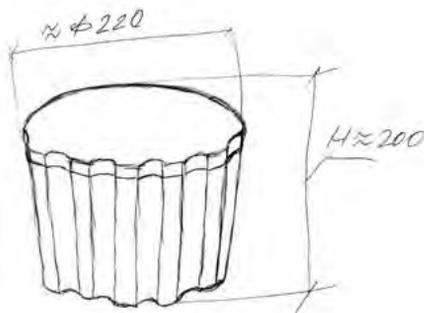
P.S. Объем камня примерно $(2,5 \times 1,2 \times 1,5) \text{ м} = 4,5 \text{ м}^3$, удельный вес гранита-сиенита около $2,5 \text{ т/м}^3$; тогда вес камня $11,25 \text{ т}$.

Булка хлеба в пещере Караульной-2

Годах в 60-х по осени и зимой ходили мы в пещеру Караульная-2. Водили туда группы новичков и даже устроили скальные соревнования завода телевизоров. Но не о них речь.

В Караульной-2 после ледяной катушки на выходе в Спальный грот приметил я камень, по форме и размеру похожий на булку хлеба.

Не помню, совпадало или нет количество вертикальных

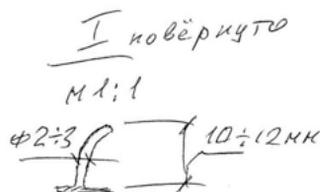
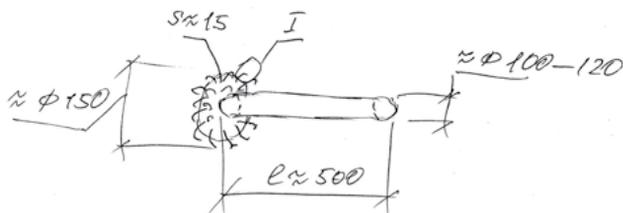
канавок, но сходство было полное! Была у меня мысль разрезать эту «булку» надвое, из одной половинки нарезать ломтей, срезы зашлифовать, и уложить эту композицию на деревянное блюдо.

Но... Прособирался, а «булка» исчезла. Кто-то утащил!

Эротическое чудо

Ещё случай.

Не помню, в какой пещере (крымской, красноярской) увидел я здоровенный известняковый стержень. Площадка, к которой был прикреплён этот стержень, была усеяна маленькими сталактитами, росшими в разные стороны и сильно напоминающими волосы. Для полноты картины не хватало 2-х яйцеобразных предметов, с ними эта композиция была бы гигантским фаллосом, неизвестно чьим!

СТИХОПЛЕТЕНИЕ

*Каждый знает: Деньгин Вова –
Старый, мудрый стихоплёт.
Он к любому слову в рифму
Слово «жопо» подберёт.*

Леопольд из избы Эдельвейс

Про КОВИД-19

Хрен во лбу у многих вырос –
Виноват коронавирус.

Нелли Молтянской посвящается

Израиль вирус посетил
И тетю Нелю зацепил.

И так бывает!

В гору лез к Алёнушке
Я в Верхние Черёмушки!
Лез на гору – хрен стоял,
Влез на гору – хрен упал!

Две Маши на Грифах сидели –
Две Маши на Крепость глядели;
Две Маши пошли и на Крепость взошли
И, глядя с вершины, балдели!

На 8 Марта

Дамам кофе в женский праздник
Подаёт в постель народ:
Дамы млеют до оргазма,
А весь год – наоборот!

Женщин в праздник поздравляя,
Дарят им букеты роз;
А практичный дядя Вова
Подарил им бычий хвост!
Супца с хвостом поел немножко –
СтоИт не только в супе ложка!

Марине Ноздриной с наилучшими пожеланиями

Худеть мечтает, но стройна,
Как штык, Марина Ноздрина!

Андрею Волошко

Мы – два поэта с Волошком,
Как, например, дерьмо с горшком!

Про Янину

Только гляну на Янину,
Кое-что встаёт в штанинах;
Хочется её обнять –
Красотища, ёпа мать!

**Алёна Зозуля доехала до кордона
Лалетино, а из машины не вышла:
собаки её не пустили**

Возле кордона на Алёну
Напали бешенные псы!
Алёна! Поднимай дубину,
На них при буром и не ссы!

Не моё, но обо мне

Есть на Грифах Деньгин Вова –
Мастер бритвенного слова.
Ходит Вова по Столбам
И в смущенье вводит дам.

22.10.05

Маша из книжного магазина «Русь»

Содержание

Предисловие	5
СТОЛБЫ И ГРИФЫ	8
Полёт со скалы	8
Вспотел «страховщик»	10
Полёт со скалы – 2	11
Про Боба Тронина и Михаила Семёновича Левина	12
Как мы стали грифинями	22
Новогодний круиз с Бобом.....	41
Вспомнился Визбор	43
Как понизить сахар в крови	44
Сказ о том, как Люля с Лёпычем на Грифы зимою гуляли	45
Грифы: прогулка на избу	49
Купальня на Грифах – святой источник?	69
Забыл рукавицы.....	70
Борщевик жжёт	70
Избранное из книги Боба	71
Эдельвейс	72
Полёт к обеду.....	78
Буйная ночь Барса	79
Хромой бродяга	82
Человек сидел на дереве	83
НАШИ ГОРЫ.....	84
Шавло–64.....	84
Шавло–2002.....	86
Крепкие ребята художники!	90
Фотоохота на грифов	92

ЮБИЛИЗМЫ	93
К 50-летию Грифов	93
Из летописи Грифов (на 40-летие избы)	98
Из летописи Грифов (на 45-летие избы)	103
Из летописи Грифов (на 50-летие избы)	113
Балезину Валерию Викторовичу на юбилей!	116
Лаптю – 75!	117
На юбилей Храброго Зайца	120
Свадебное поздравление	121
Очередной стих про Олесю	122
Подробное описание празднования 35-летия избы Сестрѐнка	123
Объявление в клубе «Криофил» («Моржовка»)	127
СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ	128
Памяти Лаптя	128
Памяти Н. Н. Резовой	130
Памяти Галки Солнечного Воробушка	133
ВСЯКОЕ–РАЗНОЕ	143
Первомайский марафон	143
Про Визбора	145
Про Сашу Бермана	146
Над головой летит марал	147
Маралуха – не корова	147
Спасение маралухи Ройки	149
Через Ману вплавь	150
Как блудили мастера	151
Воспоминания о бочке и системе Ларионова	153
Дачные гости	155

Чудеса природы.....	156
Тройная радуга над Крепостью.....	156
Природа – великий скульптор.....	156
Юный Пушкин в «Моржовке».....	159
Удивительный камень.....	159
Булка хлеба в пещере Караульной-2.....	160
Эротическое чудо.....	161
СТИХОПЛЕТЕНИЕ.....	162
Про КОВИД-19.....	162
Нелли Молтянской посвящается.....	162
И так бывает!.....	162
На 8 Марта.....	163
Марине Ноздриной с наилучшими пожеланиями.....	163
Андрею Волошко.....	163
Про Янину.....	163
Алёна Зозуля доехала до кордона Лалетино, а из машины не вышла: собаки её не пустили.....	164
Не моё, но обо мне.....	164

Деньгин Владимир Аркадьевич
Нигде в МИРЕ... ШЕСТЬ

Стихи и проза

Фото:

Н. Истомина

В. Сисько

А. Резвова

Д. Резвова

А. Фахразиева

с сайта «столбы.ру»

Из архива В. А. Деньгина

Рисунки автора

*Стилистика автора
оставлена без изменений.*

Подписано в печать 22.10.2021 г.
Бумага офс. 80 г/м². Офсетная печать.
Усл. печ. л. 10,5. Тираж 500 экз. Заказ № 311.

Отпечатано в ООО «Версо».
660079, г. Красноярск, ул. А. Матросова, 30к.

Не поздравляю с 79-летием

Март, как призрачная зона,
Всё прекрасно в эти дни.
К своему семисезону
Пришиваешь воротник.
Звякнув празднично зубами,
Став ногой на снежный наст,
На свиданье со Столбами
Ты бежишь, как первый раз!
По нехоженным по тропам,
Тонны черемши скосив,
Быстроногий Деньгин топал,
Всех столбистов накормив.
Тебя старость не достанет,
Возраст твой совсем не в счёт.
Только муза хулиганит,
Песни Денгина поёт!

Суворкина Л.

